

ВОЛОДЬКА- ОСВОД

ЛЕОНИД
ШОРОХОВ

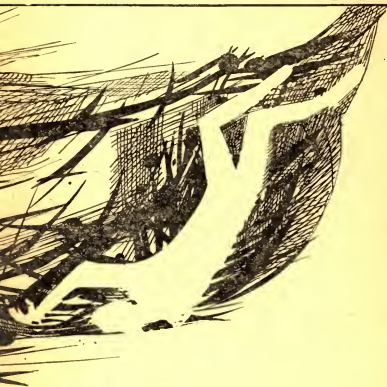

ВОЛОДЬКА- ОСВОД

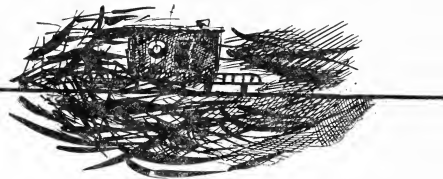
ЛЕОНИД
ШОРОХОВ

Ташкент
Издательство ЦК ЛКСМ Узбекистана
«Ёш гвардия»
1987

Ш 4702010200—110
356 (04)—87 Без объявл.—87

© Издательство «Еш гвардия», 1987 г.

ВОЛОДЬКА-ОСВОД

Повесть

1

Много жизнью званных, да мало ею избранных; тихий, малозаметный бардачок на берегу Акдарьи, известный близко только узкому кругу посвященных, процветал вот уже пятый год.

Назад тому лет восемь он еще влачил нищее, необеспеченное существование. Общество спасения на водах, страстно печась о широких массах утопающих, организовало на берегу тогда еще полноводной реки свой пост. Была сооружена в трех километрах от города ниже по течению Акдарьи невидная деревянная будочка с намалеванным на ней синим спасательным кругом, больше похожим на дыню, чем на круг, и выделена семидесятирублевая штатная единица то ли сторожа при несолидной будочке, то ли караульщика могучей реки.

Впрочем, непонятная должность имела довольно громкое наименование: матрос-спасатель второго класса.

Меньшего жалования не получал ни один гражданин страны, и несведущему человеку трудно было представить себе на указанной матросовой должности иное лицо, кроме какого-нибудь старенького, замшелого деда, начавшего тянуть флотскую лямку во времена Очакова

и покоренья Крыма, с светло-синим, стершимся по древности лет якорьком на высохшей, птичьей руке, натуированным, бывшим лихим марсофлотом царской службы аккурат перед печально знаменитым Цусимским побоищем.

Однако жизнь хитрей наших представлений о ней. И сильно ошибся бы в данном, конкретном случае бесхитростный догадчик.

Будочка действительно выглядела сонной и дряхлой среди буйного размаха береговых тугайных зарослей; но не сонным, и не дряхлым был мужчина, стоявший на пороге указанной будочки.

Безобразно вздутые бугры стальных мускулов перекатывались под гладкой кожей; грудь туго распирала готовую лопнуть тельняшку; кривые, волосатые ноги давили на землю с силой хорошего паровоза; маленькие, зоркие, неопределенной расцветки глаза видели Акдарью в обе стороны сразу на многие километры.

Несомненно, вернись опять времена парусного флота, — означенный матрос-спасатель второго класса ии секунды бы не затруднился в одиночку зарифить косой парус на бушприте трехсоттонной шхуны, не смущаясь при этом истерическими воями семибалльного норда, раз за разом беспощадно бьющего в напряженную скулу упругого треугольника. Но, увы, золотые те денечки давно уж миновали.

Владимир Васильевич Сагин (против этой фамилии матрос-спасатель обычно расписывался в ведомости на зарплату), а говоря попросту Володька-Освод, имел самое смутное представление о парусах. Впрочем, туман незнания распространялся в его голове и на другие теории и науки. Куда легче было перечислить то, что Володька знал, чем то, чего он не знал об окружающем его мире. Случись кому заняться установлением объема Володькиного незнания, и одно только перечисление всего ему неизвестного заняло бы многие томы.

Володька, как уже было отмечено, ничего не знал о парусном флоте; кроме того, он ничего не знал о математике, философии, этике, экономике... Впрочем, стоп! Вот как раз об экономике он кое-что знал. К счастью оказалось, что для жизненного процветания и не требуется никакой сверхъестественной информации за иск-

лчением, может быть, знания начал устного счета и четкого написания пяти букв, составляющих негромкую его фамилию. Все остальное только зря удручало голову.

То-то удивились бы нынешним Володькиным достижениям его школьные учителя, некогда предсказывавшие круглому двоечнику Сагину едва ли не голодную смерть по причине его органической неспособности ни к каким умозрительным построениям теоретических наук.

Что они знали о жизни, что они о ней ведали? Через десять, пятнадцать, двадцать лет беспорочного промывания Володькиных и им подобных мозгов, они все еще оставались темн же божьими коровками, «христосиками», какими впервые и переступили столь нелюбимый Сагиным школьный порог. Всю жизнь уча других уму-разуму, они ухитрились не нажать собственного ума: годами мыкались по чужим углам, не умея добыть своего, наматывали многие сотни километров, топая жалким пешедралом по улицам родного городка, где каждый второй житель был их бывшим учеником; все их нищие сберкнижечные запасы не выходили за пределы суммы, без которой Володька брезговал выйти за сигаретами. Да еще у каждого ли из них была та книжка — вопрос?!

Нет, плохо кормят правильные теории. Володька убедился в этом еще в самом невинном возрасте. Он предпочел жизнь более существенную, нежели теоретическая, и жизнь эта так же предпочла его.

2

Сагин покинул школу пятнадцать лет назад. Впрочем, слово «покинул» не очень подходило к его случаю. Скорее не он покинул школу, а обитель знаний наконец разорвала многолетние отношения мелочной и нудной войны с Володькой. Но так не так, а время расстаться подоспело — школа вздохнула с облегчением, но с еще большим облегчением вздохнул ее выпускник.

Сладчайший пирог жизни манил его россыпью невиданных красок и забивал трепещущие ноздри умопомрачающими запахами. Вожделенные пересилили врожденную Володькину осторожность, и, заурчав от жадности, он со всех ног бросился к желанной добыче.

Время на дворе подоспело самое подходящее. По всей стране синим пламенем бушевало джинсовое безумие. Оно поразило не только отдельных, сверхвосприимчивых к голубой эпидемии людей; нет, жертвой заразы пали коллективы, целые социальные прослойки! Домохозяйки и академики, строительные рабочие и замминистры, музыканты и дворники — все жаждали облачить свои, разнокалиберной упитанности ягодицы в зарубежную холстинку. Дебилы из подворотен мотивировали манию стадной символикой, доктора наук — практицизмом. В одном сходились и те, и другие — годилась и в дело шла не всякая заграница, а лишь пораженная загниванием империализма в максимальной степени. Только ее система прострочки швов и сюжетности наклеек равно удовлетворяла и веселых хиппушников, и угрюмых помпрокуроров.

Первой настоящей профессией Сагина стала фарцовка. Но Володьку подвела жадность. Уж очень хотелось иметь все и сразу. Произошло неприятное знакомство с правоохранительными органами, после которого Володька остыл к явному криминалу. Игра свеч не стояла. Год, проведенный им за колючей проволокой, убедительнейшим образом доказал Сагину всю порочность его стремления разом засунуть в рот все десять пальцев. Кроме того, кормили в колонии общего режима из рук вон плохо. А ведь при дальнейшем продолжении фарцовочных оргазмов впереди неизбежно маячил бы и «строгач»?! Чем же насыщают плоть там? Нет, калорийность зоиовского питания никак не соотносилась с потенциями Володькиного желудка.

Надо было изыскивать новые жизненные средства и пути.

3

Рассеянный взгляд Сагина прошелся окрест и остановился на мутных, желтых струях Акдарьи.

Тяжелое тело реки едва шевелилось. Дальний берег терялся в туманной дымке. Косое вечернее солнце играло мокрыми бликами на кланяющихся ветерку молодых камышинках. Неизведанная Володькой устойчивость жизни царила в извечном, природном равновесии. Что-то словно толкнуло Сагина под сердце. Володька ошеломленно уставился на воду.

— Да вот же оно! — выдохнулось само собой.

Дальнейшая судьба Сагина решилась в мгновение ока. Володька только облегченно крикнул, — видно недаром с самого раннего, сопливого детства притягивали к себе его воображение топкие, камышистые берега и широкие, ласковые просторы. Не прокормиться у такой богатой природной копилки было дело немисленное.

Акдарья кипела рыбой. Стоило постоять десяток минут на бережку, глядя на бескрайнюю светло-коричневую гладь, и сердце начинало дрожать налимьей печенкой — то справа, то слева, то прямо перед глазами раздавался смачный, звонкий удар. Аршинной величины сверкающие золотом чурбаки знаменитых акдарьинских сазанов в дыме брызг вылетали из воды, неуклюже поворачивались в воздухе литыми, сверкающими боками и гулко плюхались обратно. Звонкий хлопок разбегался по-над гладью реки, а уж рядом взмывал вверх другой золотистый красавец, и, казалось, этому ликующему гимну природы никогда не будет конца.

Володька выходил рано утром на туманный бережок. Мутной дымкой колыхалась перед ним бесконечная лента реки — перед самым первым лучом солнца начиналась жировка и тяжелые удары сазанов о воду.

Сагин прикидывал в уме: полпуда чурбан, да взять их, скажем, сотню; да мокрой травой переложив (минутное же дело нарезать куги, да молодых камышей в этаких зарослях); да затарить в кузов бортового «газона»; а там уже и дорожка известна — прямиком в горы, на рудник. Горняцкий поселок большой. Живет в нем никак не меньше тысяч пяти народу. Езды дотудова каких-нибудь четыре-пять часов, а расхватают (как бог свят, расхватают: народ-то все сплошь денежный) весь товар в полчаса. Трояк за штуку. Да что там трояк — клади пятерку! Они ведь не только что живого сазана, а и дохлого хека месяцами не видят. За день рейсом бы и обернулся — глядишь, к вечеру уже и дома. Полсотни шоферу (ну, как край, сто, коли шибко зевластый попадетсЯ), а остальной навар — сотни три, четыре — вот он где! Кругом деньги, и в карманах, и в руках, и за пазухой — рубли, трешки, пятерки, чирики — эх!

Володька обводил Акдарью сумасшедшими глазами. Вода подавалась и отступала под его взглядом.

— Жизнь наша,— хрипло выдыхал Володька,— один раз даденная!..

4

Через год у Сагнна завелся свой ИЖ с коляской. Еще через год Володька взял участок земли и начал строить собственный дом.

На щелястом полу сараюшки-временки, позади будущего палатко, тугими скатками капроновой бечевы громоздились стометровые бредни; на полках горбылевых стеллажей пританлись еще не посаженные на парашютный, крепчайший шнур, куклы новеньких сетей; около них лежали промысловые сети, уже подкрашенные в коричневый цвет въедливым акдарьинским илом. Сети Володька держал на всякую рыбу повадку и размер,— тут были и тройники, и четверики, и шестерники, и восьмерики; с режаками и без; с пробковыми поплавками и с пенопластовыми; с грузилами свинцовыми и керамическими; пятдесят-, сто-, двухсотметровой длины; связанные по Володькиному заказу местными мастерами и привезенные им из Астрахани с осетровых стародавних промыслов, оскудевших ныне осетрами; сети купленные, краденые, вынгранные в очко, взятые на пари и пропнутые.

В заливчике Акдарьн, рядом с камышовой мазанкой, чуть покачивалась на желтой дарьинской волне новенькая моторка. И не просто лодка с мотором, какие были у любого Володькиного конкурента по фартовому, сазаньему делу — не смоленая, кой-как сбитая из черных досок колода с тупо обрубленной кормой, нет,— в заливчике дожидалась лхных ночных налетов на сазаньи ямы всамделшная морская шлюпка, набранная из узеньких сосновых реек, натянутых внахлест, с перекрывом, одна поверх другой, на обводистые, дубовые шпангоуты.

Чертежи обладающей завидными мореходными качествами посудыны, кем-то вырванные из журнала «Техника — молодежи», через третьи, а то, может, и пятые руки добрались до Володьки, чтобы обрести ма-

териальное воплощение в лебяжьих обводах его промыслового судна.

Азиатское, прожаристое солище отложило бурные пятна загара по крутым Володькиным плечам. Лямки майки нарисовали на спине несмываемые белые полоски — бурое соседствовало с красным, розовое с коричневым.

Володька заматерел и раздался вширь. Загорелый лоб его прорезали глубокие морщины. Искрами вспыхивало солнце по рыжей щетине щек и подбородка. Жизнь давалась Сагину, как норовистая девка, взятая нахрапом, помимо ее воли — с мукой и неслыханной сладостью. Так и чувствовал он на своих обветренных губах тяжелый, кислый привкус чужой крови.

Рыбья ли была то кровь, или человеческая, Володька не попытывал узнать.

5

Женился Сагин так же быстро и иероздумчиво, как поступал он всегда: удачливая случайность сама отыскала его и подарила прочное семейное счастье.

Шесть лет минуло с того воскресного дня, в который Володька стоял у входа в базар, соображая, не тряхнуть ли по случаю выходного пару кружечек пивка. Тут к нему подвалил знакомый по иочным, рыбьим делам кореш. Разговор потек малым ручейком в направлении Акдарьи. Кореш набивался в промысловую компанию. Володька вяло отнекивался.

Проходившая мимо молодая женщина поздоровалась с корешком. Рядом с ней клеилась подружка. Дамы задержались на минутку, перекинулись словечком.

— Ну, пока.

— Пока.

Случайные знакомки двинулись по своим делам. Володька повел за куриным племенем равнодушным взглядом. Глаза его соиио прошлись по туфлям, икрам, лодыжкам, поднялись чуть выше...

Тут Володькины зрачки внезапно расширились и заблестели. Ай да подружкина подружка! Он цепко схватил приятеля за руку.

— Кто такая?

— А,— равнодушно уронил дружок,— холостячка одна.

— Долбится?— выдохнул Володька.

Прияель махнул рукой:

— Пустой номер. Говорят, девка еще. Сторожится. Замуж метит.

— Де-е-е-вка!— Володька замер не дыша. Да, с таким задом недолго ей в девках гулять. Взгляд его никак не мог отлепиться от знойных выпуклостей незнакомкиной фигуры.

Словно чувствуя на себе этот взгляд, подружка замедлила шаг и начала ставить ступни под углом друг к другу. Бедра ее пришли в плавное колыханье.

У Володьки вспотели ладони и пересохли губы.— «Уведут, — со страхом подумал он,— как бог свят, уведут».

Незнакомка завернула за угол.

— Девка,— пробормотал Володька.— Шалишь, другому не достанешься!

Он облизал губы. Следовало немедленно жениться. Сама судьба позвала его в дорогу своими серебряными трубами.

— Вот вечером и пойдем свататься,— решительно объявил он приятелю.

В тот же день они, с несколько ошалевшим от Володькиных страстей корешком, уже дули водку с будущим тестем. Наутро Володька подмазал в загсе, чтобы не томил лишнего времени, а уже к вечеру он наконец дорвался до того, что так яростно и неудержимо возжелал.

Люся оказалась не вполне девкой. Впрочем, недостающее она с лихвой компенсировала имеющимся — несомненных женских достоинств у нее оказалось еще больше, чем Володька предположил по первому взгляду. Все же платье частично маскировало.

Кроме того, характер ее пришелся Володьке по душе: дом блестел стерильной чистотой, кровать занимала половину спальни, отказу в скромном баловстве не было в любое время дня и ночи, и Володькин аппетит к нему насыщался в «пять секунд», как любила игриво пошутить сговорчивая молодуха. Любая еда, которую она готовила, на три четверти состояла из мяса — ну

чего еще можно было требовать от любимой женщины? Никаких гримас и странностей любви Володька не уважал. Простая пища, по его мнению, была для здоровья полезней любых разносолов. Он был доволен женой.

6

На третий год сумасшедшей погони за рублем Володька схлестнулся с рыбинспекцией. Каша заварилась такая, что вот-вот пришлось бы сдобрить ее кровью, ибо никакое масло уже не помогало.

Числился в это время Володька сторожем на стройке. Зарплата его была ясно какая — котовы слезы, а не зарплата, — да и не брал ее вовсе Сагин, только что расписывался. Время было ему дороже всяких зарплат. Он бы, случись дело, еще и сам приплатил, лишь бы не мешали в главном — в основном его занятии. Вся их зарплата вмещалась в один удачливый замет плавной сети. Так что пусть теми копейками и дальше пользовались те, что не брезгают: за ночь Володька, случилось, перекрывал на Акдарье все свое годовое жалованье. Для стажу да для виду держал Сагин трудовую книжку. Отмазка не мешала в случае чего.

Все было бы хорошо, если бы и дальше шло так, как шло, но тут настигла Володьку новая беда.

— Рыбоохрана, будь она неладна!

Пока сазана в Акдарье было ешь не хочу, пока всякий и каждый мог брать его без малейшего труда, сколько душе угодно, рыбинспектор и не смотрел в Володькину сторону. Ну разве когда-когда щупал он Сагина за вымя, но прессовать всерьез не прессовал.

— Вон их сколько, таких Володек, крутится около дарьинского сазана. Что ж, каждому горло рвать, что ли? — здраво рассуждал оберегатель народного добра. — Опять же, ведь не за границу они тех сазанов поволокут, свои же купят, свои же и съедят. Этого добра на наш век хватит. Пусть пока пользуются.

Володьку очень устраивал ход охранных мыслей.

Но вот рыбы стало меньше. Рыба стала дорога, и сразу обнаружилось, какие завидующие глаза притаились под лаковым козырьком форменной черной фуражки.

Каждый Володькин шаг стал сопряжен со значительными трудностями. Инспектор начал доить Володьку не по чину. Каждый плавной замет приходилось дробить чуть ли не пополам — Володька только скрипел зубами от неслыханного грабежа. В самую черную полночь-за полночь по следам водяных усов Володькиного баркаса тарахтел движок рыбоохрановской моторки. Прилипчивый гад с меитовской кокардой на фуражке чуть ли не высовывался из воды вместе с выбираемой Володькой сетью. Сагги нисколько не удивился бы, нечаянно обнаружив его за пазухой, или, чтоб он сдох! — третьим в собственной постели.

Наконец дышать стало совсем не вмоготу. Володька попробовал было потолковать по душам с озверевшим охранителем речных богатств. Но куда там! Инспектор растопырился и надулся, как хороший индюк.

— Кто тут на Дарье хозяин? — презрительно процедил он сквозь зубы. — Я тут хозяин. А ты кто? Ты здесь пришей-пристебай. Из моей милости живешь. Вон ты как за два года на рыбе нажрался. И ижок у тебя с коляской, и сети какие хочешь, и лодка, что картинка, и уже свой доминиу начал строить, — а через чего это все? Я что, не помню каким ты здесь, на реке появился? Только голый зад блестел, да зубы щелкали — вот ты какой пришел. А теперь — бариин? А спросить, кто ты таков есть, чтоб по своей воле вольготничать, так скажем, на народном добре? А есть ты злостный браконьер и спекулянт, и место твое не возле реки, а сам знаешь где! И дело твое — молчок! И притухни, как мыша, чтоб я больше твоих вяканий не слышал! Живешь, пока велю, а схочу, так и не станет тебя вовсе. Место свое знай. Стригу тебя, стало быть, время пришло стричь. Вот так-то! — как дубовый, тесаный кол, вбил рыбинспектор в Володькину голову тяжелую точку.

Володька хотел было намекнуть оборзевшему гаду, что уже не один такой шустрик поплыл под водой до первой большой ямы сомам на закуску, но поостерегся выпускать язык.

Не ту собаку бойся, которая гавкает, а ту, которая молчит. Баркас не спрячешь, сети — вот они где; все Володькины промысловые места инспектору наперечет известны. Захочет нагадить, так шутя припугает на

самой горячие, а там «шмон», и останешься в чем мать родила. Да еще останешься ли? Вторая судимость не первая — припаяют срок на полную катушку, Москва слезам не шибко верит.

Пришлось промолчать.

Овчинка перестала стоять выделки, и верткий Володькин умишко стал раскидывать щупальца коротеньких мыслей.

— Как быть? Или, может, порешить гада втихую, притопив его с парой булыганов за пазухой где-нибудь в глубоком, потаенном омуте (Володька знал по Акдарье великое множество таких добрых местечек), а там бы его через месяц, глядишь, чисто подобрали знаменитые акдарьинские сомы. Или, может, настала пора опять переключиться на новое поле деятельности?

А затраты на лодку, на стосильный мотор, на сети? А налаженная цепочка перекупщиков, а привычка жить по своей вольной воле и хотению? И все это кинуть псу под хвост из-за какого-то мокрого, водяного гада на жалованьи и на тех же Володькиных подачках? И начинать все сначала, с мелкого, невидного нуля, лебезить и ерзать, пока мало-мальски снова не станешь на ноги?

Ну нет, такого уже и возраст, не то что характер не позволял.

Володька крепко задумался. И вот тут, в самый тяжелый момент хода его размышлений и обнаружилось, как верно он выбрал подругу жизни.

— Ай да Люська, ай да голова! Сказала, как отрезала. Конечно, надо было искать защиту и прикрытне под вывеской какой-либо государственной конторы. Там попробуй тронь!

Володька так и подпрыгнул. Вер-р-на!

Он побегал по старым знакомым, порыскал по берегам реки, и набрел на только что открывшийся пункт спасения утопающих. Это была майна небесная. Слово сам перст божий прямо указал на Сагина, — быть тебе отныне, парень, человеком особой судьбы и особого предназначения. Так стал Володька матросом-спасателем второго класса местного отделения общества спасения на водах, а попросту — Володькой-Осводом.

Эх, мать честная, да теперь он мог маячить на реке круглые сутки, и днем и ночью, и притом на самом наи-

законнейшем из всех законнейших оснований. Когда и где утопающему утонуть, срока и места никто не устанавливал — служба! ОСВОД, он на то и ОСВОД, чтоб спать вполуха!

Совсем слились вместе Володька и Акдарья.

Раньше рыбий радатель всегда мог Сагина с реки шугануть.

— Чего это, мол, стражу строительного склада делать посередь реки в два часа ночи? А ну, вали отсюда, беги, сторожи, что там тебе сторожить положено!

А теперь нет, шалишь, брат, самое Володькино и есть занятие на глыбком месте,— не на перекате же утопшему человеку случиться? А что касасямо ночи-полночи, так бдим,— а ну как лучший дружок, рыбоохра-на перевернется на боевом своем посту, да начнет пускать с под воды пузыря, ну кто его тогда спасет? А есть на то поставленный государством человек, матрос-спасатель второго класса Володька Сагин. Он и спасет! Вот так-то. Ну, а пока ты еще не провериулся, мил-друг охраниый, так кыш отсюда, фря водяная! Ныне не только ты, а и я, Володька, на отважном месте и боевом посту.

Объезжай стороной!

7

Три года назад от Акдарьи отвели в Соленую степь новый канал. Несколько десятков тысяч гектаров непаханной, плодороднейшей, но иссохшей до белизны земли втуе лежали в двухстах километрах от реки.

Лет за десять до начала Володькина сазаньего промысла, на больших государственных верхах было принято суровое решение: забрать половину реки и бросить ее по идеальню прямой, узкой, как ребро штыка, нитке канала, в самую середину бесплодной, лессовой равнины. Урожай хлопка ожидалось взять неслыханные. О будущем Акдарьи никто из решавших (конечно, чисто случайно) не подумал. Впрочем, имелись задачи более насущные, чем сохранность пойменных стариц да извилистых акдарьинских протоков: знаменитейший родимый «авось» поставил свой незримый чекал на коллективную мудрость.

Через год на трассу будущего канала двинулись

десятки передвижных, механизированных колонн. Двенадцать лет шла напряженнейшая, беспощадная битва с природой. Мешал проклятый хребет, мергелистыми, стометровой толщины буграми перекрывший будущую водяную артерию.

В год, когда Володька накрыл сложенные из жженого, звонкого кирпича стены своих будущих хором купленными по дешевке бракованными пустотками (уж он-то хорошо знал, какие они бракованные! Бракованные — те пошли на государственные четырехэтажки), в тот счастливый для Сагина год хребет наконец уступил напору непреклонной человеческой воли и безликой силе техники. В канал пошла вода.

Акдарья резко обмелела. Обнажились прежде бывшие песчаными косами острова. Извечные садки и нагулы сазаньей молоди оказались поверх воды. Основная масса рыбы скатилась в ямы. По прежде судоходной реке возникли десятки перекатов. Вода резко осветлела. Акдарья начала чахнуть и хиреть.

Этот год Володька блаженствовал. Очумевшую рыбу можно было черпать из ям бреднями, как из обычного садка. Одно было плохо — и без того очень дешевая, она еще больше упала в цене. Впрочем, Володька возмещал потери количеством добываемого.

Изобилие продолжалось и год, и два, и Сагин пешутя уверовал, что такая райская жизнь будет длиться вечно. На третье лето волшебной сказке пришел конец. За два года беспощадного, на истребление лова, пепки сазана были сняты. Возобновления рыбьего стада не последовало — нигде стало нереститься. Вдобавок на сазаний народ напала беда, чуть ли не горше отнятия нерестилищ.

Мудрым умышлением местной рыбьей науки на озеро в верховья Акдарьи был завезен малек удивительной рыбы, обитавшей до того только в глинистых, тяжелых водах рек великой Китайской равнины. Он был на диво живуч (сутками мог продержаться без воды), необыкновенно вынослив и прекрасно приспособлен к любым превратностям житейского коловращения.

Заморская рыба умела ползать на брюхе по илу и мокрой траве, как добрая змея. Собственно, по виду она и походила на самую настоящую рептилию. Словно приносиваясь, выдавалась вперед узкая, щучья

морда, бусинки глаз моментально схватывали малейшее колебание камыша, удлиненное черное туловище, казалось, состояло из одних мышц, широкий плавник украшал спину и брюхо диковинной рыбы. Зверь умел подпрыгивать и кусаться, как дикий кот: острые акулий клыки торчали в разные стороны из хапужистого рта. Позади клыков помещался второй ряд зубов, устроенных наподобие сапожной щетки.

Изучавшая зверя местная наука решительно утверждала, что подводный, надводный и болотный тигр в душе вегетарианец. Ведь в реках Китая он жрал в основном всяческую водяную растительность — водоросли, кугу, молодые камыши, не брезговал и тиной.

Впрочем, кулуарные остряки склонялись к мнению, что зверь сидел на зеленой диете исключительно за неимением прочих съедобных собратьев. Но мало ли чего не болтают в научных кулуарах.

Сама наука предполагала, что разведенный в надлежащем количестве и запущенный в проектный канал зверь оправдает затраты на свое разведение, подвизаясь в качестве водяного санитара. Доктора рыбных наук ждали, что трансплантант будет под ноль подчищать всякую зеленую ненужность, за год превращающую в бурое болото любой ширины водную магистраль. Мысль была мощнецкая.

Несколько десятков тысяч голов купленного на валюту малька мирно резвились пару лет в спокойных, затхлых водах научных озер. Но до того, как начал действовать отводной канал, река имела буйный, неукротимый нрав.

В один из тех годов, когда солнце греет землю на тысячную долю процента сильнее чем обычно, резко потаяли ледяные языки высоко в горах. Весна пришла в долины на месяц раньше своего срока, и Акдарья, приняв в себя в виде огромных масс ледяной воды метаморфизированный заряд солнечной энергии, взбунтовалась и вышла из берегов.

Научная дамба вокруг перспективных озер была прорвана. Чужеземный, зубастый и клыкастый подрост ушел в реку. Три года о нем ничего не было слышно. В год, когда новый канал поделил Акдарью на две реки (одну, текущую, как ей и было положено, к морю, и другую, текущую в степь), рыбакам начала попадать-

ся необыкновенная рыба. Она была на диво стандартна и потрясающе прожорлива. Рыбья наука, потерявшая в размытых озерах объект исследований, тотчас узнала в черном страшилище свою беглянку. Это и был знаменитый впоследствии гидроголов.

Где-то там, за кордоном, на скудных речных пастбищах Китая он может быть и вкушал борщ из тины и жаркое из осоки. В Акдарье, к несчастью, еще водилась рыба. Эмигрант принялся исправлять ошибку природы со всем пылом завязтого хунвэйбина. Он ел все подряд и всех подряд. Из реки за год исчезла почти вся рыбья молодежь. Сазаний род, покачнувшийся и поредевший в беспощадной конкуренции за воду со всемогущим хлопком, на сей раз начисто проиграл схватку и упал окончательно. Гидроголов повел борьбу на тотальное истребление. Куда там было тягаться изнеженному акдарьинскому сибариту с зубастым противником.

Развеялась, как дым, былая сазанья слава. По мрачным потаенным затонам, да в глубине коряжистых ям еще держались чудом уцелевшие полупудовые счастливцы, не рискуя уже выскочить на вольный речной простор для веселой сазаньей игры. От акульих клыков гидроголова их спасала только величина. Впрочем, истребив вокруг себя все, что только поддавалось истреблению, гидроголов переключился на каннибализм. Видимо, веселое это занятие больше соответствовало внутренней потребности его натуры, чем скупливое пережевывание травки.

Сазана почти не стало. Цены на него резко подскочили. Они почти уравнились с ценами на мясо. За пятикилограммовую рыбку давали десятку. Дефицит немедленно вызвал повышенную потребность. Сазана начал есть тот, кто всю жизнь брезговал рыбой. Копченый персонаж красной книги на праздничном столе стал необходимой приметой принадлежности едока к истеблишменту.

У Володьки заметно прибавилось работы.

8

Жизнь Сагина, после получения им форменной фуражки, заметно полегчала. Подколотный дружок рыб-инспектор только скрежетал зубами при виде Володь-

киного служебного глссера, но сделать ничего не мог (ворон ворону глаз не клюёт, контора контору не кушает); пришлось делить Акдарью пополам.

А моторка у Сагина, действительно, завелась важнецкая. Когда списанный за негодностью с ДОСААФовской базы катер приволокли на спасательный пост, Володька только тихо ахнул. Здоровенное алюминиевое корыто, верой и правдой служившее армейскому обществу доброе десятилетие, имело устрашающий вид. Оно было изношено до последнего предела и возможности. Половина заклепок выпала, вмятины усеивали бока так, словно глссер густо обстреляли из крупнокалиберного пулемета. Ветровое стекло отсутствовало, банки были выдраны с мясом, подвесной «Вихорек» состоял из пробитого бензобака и ржавых кронштейнов крепления. Все остальное было раскулачено.

Володька почесал в затылке: из этих ископаемых костей предстояло сложить живое существо. Он засучил рукава. Волка ноги кормят, а глссеру и назначалось стать новыми Володькиными ногами.

Через день катер перекочевал от причала на местный ремзавод. Директора Сагин подвязал под будущие рыбалки. Начальнику основного цеха выдал займообразно небольшой аванец, слесарям обеспечил бесперебойную поставку фирменного горючего, отпускаемого в поллитровых емкостях.

Задуманный призовой рысак должен был обрести надежное сердце. Володька мотнулся к друзьям, в таксопарк. Списанный «волговский» двигатель был перебран до последнего винтика и укомплектован новехонькими, в заводской смазке, агрегатами. Копейка не ушла зазря — таксопарковый умелец срезал головку блока цилиндров на энное количество миллиметров, чем резко повысил компрессию — мотор обрел дополнительные мускулы.

— На таком движке, тебя и посуху никто не догонит! — весело подмигнул Володьке моторист.

Володька подмигнул ему в ответ: об этом и задумка была!

Мотористу миги обошлись в три недели урочной и сверхурочной работы, Сагину — в пятьсот целковых. Стороны остались довольны друг другом. Двигатель уехал на ремзавод и разместился в носу спасательного

катера. Кардан пошел под деревянными трапами настила и нырнул под алюминиевое днище.

Особую озабоченность Володьки вызвал винт. Тягач был хорош, толкач не имел никакого права уступать тягачу. Магазинный винт Володька повертел в руках и бросил.

— Не то,— выговорил он задумчиво.— Тут надо иное.

Хорошо, что на ремзаводе имелась и своя литейка. Сагин пошел на поклон к горячим духам, чумазым повелителям огня и металла. Самым трудным оказалось объяснить — чего же он все-таки хочет? Выяснилось, что Сагин сам не вполне себе это представляет. Однако понаторевшие в огненной работе гефесты в замурзанных спецовках шутя разгрызли хитрый орешек.

Десять латунных отливок, доведенных до зеркального блеска на наждаке и пескоструйном автомате, врезались в недра Володькиного сердца, словно стая акдарьинских сазанов в режак его сети. Двухлопастные, скоростные, ярко-желтые, вдвое против стандартных габаритов,— они как нельзя лучше соответствовали неопределенным Володиным мечтаниям.

— Самое оно!— зачарованно вздохнул Сагин, глядя на устрашающий металл.

Правда, пришлось-таки повозиться с установкой. Килевой уступ проходил выше кардана, и ножевые лопасти винта угрожающе высовывались за отсека-тель.

— Будешь бить лопасть на мелкой воде,— предупредил Сагина мастер. — И ограждение ставить толку нет — все равно катер его сомнет своим весом, ежели на пережат выскочишь. Да еще, гляди, и днище про-рвет.

— Черт с ним, с ограждением,— махнул рукой Володька.— Лишь бы винт пер, как надо. А побьется, так не велика беда. Есть чем заменить.

— Переть будет,— согласился мастер.— Вопа какой пропеллер размахал. Гляди, не полети!

Володька расхохотался.

Теперь, пролетая мимо тихоходной рыбоохраны на сверкающем алюминиевом рысаке, Володька независимо прикладывал два пальца к козырьку форменной

фуражки. Инспектор с ласковой ненавистью кивал в ответ.

«Близок локоток, да не укусишь» — усмехался Володька.

«Конь о четырех ногах, а спотыкается. Споткнешься и ты» — молча провожал его глазами рыбнадзор.

Дом Сагин достроил. Купил югославский жилой гарнитур, да финский спальный (Люська неделю не выпускала его из кровати, все благодарила); наконец появился у Сагина и свой «Жигуленок».

Чаша его жизни, казалось, начала переливаться через край.

9

Сытость преобразила Сагина. Походка его стала замедленной. Уже невооруженным глазом явно просматривался подросший яйцевидный животик.

И все же вещей оказалось немудреная зоновская накладка на Володькином предплечье — память его первоначальных, ошибочных к фарту, шагов.

«Нет в жизни счастья» — трактовала синяя строчка — основной вывод зарешеченного бытия.

Счастья в жизни действительно оказалось маловато. Во всяком случае его явно недоставало на всех, а то, что удавалось урвать, выглядело неполным, как бы несколько культиным. Ощутил это Сагин с совершеннейшей очевидностью.

Володька вдруг неожиданно обнаружил, что его никто не уважает. Приятельские улыбочки закадычных кентов и компаньонов по рыбе в зачет не шли. Володька нисколько не обманывался их показушной приязнью. Каждый пойманный Сагиным сазан оборачивался неизбежным недочетом «красненькой» в дружелюбном кармане. Фарта перестало доставать на всех, и любая случайная, ночная встреча на одной из уловистых акдарьинских ям легко могла окраситься кровью. Нет, в дружково почтение Володька не верил, да и держался от коллег на некотором расстоянии.

Но вот вчерашние одноклассники? Те-то чего? Ведь из них тоже никто, почитай, не вышел в большие люди. Петро слесарил; Костя крутил баранку МАЗа; Алик

подшивал какие-то бумажки в конторе. Кажись, могли бы относиться с уважением к Володькиным заслугам. А ведь даже здоровались нехотя, сквозь зубы, явно брезгуя удачливым однокашником. Слесаришка — и тот нос воротил. Это было даже и не сказать, до чего обидно.

— Завидуют! — фыркала Люська. — Где им до тебя достичь? Так всю жизнь на одной зарплате и прокукуют.

Володька поводит вислым плечом. Что-то было в его жизни не так, какие-то концы с концами не вязались. Он заскучал.

— Ну сазаны, ну да. Ну деньги — ну хорошо! Машина, дом — конечно, конечно. Форма есть? Есть. Деньги есть? Есть. Должность? Есть. Все есть. Где почет? Ведь раз все есть, так должен же быть и почет! Ведь с неба ничего в карман Сагину не свалилось, всего он достиг сам. Разве это не заслуживало уважения? Так где же все-таки почет?

Почета не было и капли.

Может, дело заключалось в том, что должность мала?

Володька задумался второй раз в жизни. Как быть? Снова острые, мышинные мордочки его мыслей стали напряженно принюхиваться и приглядываться.

Конечно, лезть самому в большие начальники было просто самое распоследнее по глупости дело. И причина тут заключалась не в отсутствии способностей, не в недостатке мозгов. Ума у Володьки, он полагал, хватило бы на трех начальников сразу, плюс полдюжины заместителей. Но кидать на ветер, уступать неизвестно кому такое «пайдовое», такое денежное место, каким владел, — это надо было совсем прыгнуть с разума. Ни одна должность на свете не сулила Володьке таких заработков, хотя бы и министерская.

Кроме того, лезть на вид и осмётр с прорехой в биографии было несколько невыгодно: случись где за-рапортоваться, и сомнительное прошлое разом бы припомнили. Карабкаться в гору с ядром на ноге? Тащить за пазухой собственную подножку?

Впереди слабо брезжил иной путь. Дело в том, что для почета, для уважения, вовсе необязательно было самому ходить в тузах. Оно и шестерке вполне доста-

точно оказывалось попасть с большими людьми в приют, на короткую, знакомственную ногу.

А там кому какое дело, что у тебя за чин, коли посеред улицы, на виду у всех, с тобой за руку здоровается один из хозяев города?! Стало быть, заслужил, раз тобой не брезгают! Тут и без больших звезд на несуществующих погонах, любому прохожему-переезжему становилось бы ясно, что Володька человек не простой, ох не простой! Вот он и почет, вот оно и уважение — наше вам. Только как же добиться?

Сагнн поразмыслил, поразмыслил и хлопнул себя ладонью по начавшему зарастать диким мясом загривку:

— Эх, конь! И всего-то делов!

Впрочем, справедливости ради надо отметить, что и Люська кой-чего нашептала.

Вот баба, так баба! Ни снззу бог не обидел, ни сверху. Без ней, что без рук.

Володька загрузил в багажник «Жигуленка» десяток копченых сазанов, зарядил валютой бумажник и с рассветным солнцем махнул в область. Там (в двухстах, благодаря бога, километрах от Акдарьн) обрелась его непосредственное начальство. Дистанция, отделявшая место несения Володькиной службы от оперативного руководства, благопринятствовала служить.

Из областной столицы Володька, благоухая ароматами шашлыков и коньяков, вернулся поздно ночью. В его внутреннем кармане, аккуратно сложенная вчетверо, поконлась бумажка со служебным номером и печатью. Бумага была адресована местным городским властям.

Областной совет общества спасения на водах обращался в соответствующие инстанции с просьбой о выделении скромного куска бросовой земли на берегу Акдарьн, на предмет устройства на нем стационарного участка ОСВОДа, с соответствующим помещением и инвентарем. ОСВОД обязывался всячески благоустроить выделяемую территорию и украсить ее нагляднейшей агитацией.

Рядом с письмом лежала выписка из приказа, назначающего Володьку начальником вновь образованного стационарного участка ОСВОДа, с твердым

окладом в девяносто целковых. Штаты приказ туманно обещал утвердить дополнительно.

Как появилась указанная выписка и во что она Володьке обошлась...

— Тс-с-с-с, молчок! Никому ни гу-гу. Ни-ни!

10

Через два месяца после этого исторического события на берегу Акдарьи, на месте невидной, старой будочки красовался полусарай, полудворец под сверкающей цинковой крышей.

Кусок большущего песчаного мыса, отведенного местной властью под надлежащее спасение утопающих, был огорожен высоким сетчатым забором.

Володька отпустил бачки. Солидность его нарастала с каждым днем. Забор стоил-таки ему денег. За каждый погонный метр металлических стоек было плачено, каждый квадрат сетки отдалили своими короткими жизнями акдарьинские сазаны.

Финский сборный коттедж на две семьи приехал в Байабад из области. Володька не пожалел затрат на угощение снабженцев. Замначальника областного управления неделю гудел с Володькой влежку, зато и предмет покушений и зависти многих — роскошный, каркасный дом из страны Суоми, вот уже четыре года без движения обретавшийся на ОСВОДовском складе по причине жарких споров о том, кому им владеть, благополучно прибыл на двух МАЗах-шаландах на Байабадский участок. Мазовские колеса тоже всухую не крутились: пришлось смазать и колеса.

Монтаж занял две недели. Володька со страстью вошел во вкус начальственной жизни. До чего же сладко показалось Сагину строго покрикивать на рабочих, бетонирующих фундаменты под его будущую контору.

— Ой, мама родная, и вкусна же власть!

Отравившись первой ее каплей, Володька осатанел.

Отработают и уйдут. Потом что? Какой же он к чертям собачьим начальник, если некому дать хорошего оттягу для прочистки мозгов? Где подчиненные? Может ли начальник существовать без непосредственных исполнителей его высокоумных указаний?

Пришлось снова ехать в область. На сей раз отделаться коньяком и копченкой не удалось. Вопрос решался так туго, что Володька даже похудел. Собственно, похудел не столько Сагин, сколько его бумажник, сам же Володька скорее съезжился от невиданных запросов и притязаний.

— Столица, — с тоской вздыхал он, возвращаясь домой. — Даром никто и чихнуть не хочет. Думают, у нас тут деньги с неба сыплются.

Однако дело было сделано. Штаты утвердили. Под Володькино начало поступал матрос-спасатель второго класса и инструктор по технике спасения.

Несмотря на жуткий прокол с бумажником, Сагин в глубине души был доволен — жизнь выстраивалась вдоль той линии, которую он наметил. Что же касалось бумажниковых потерь, то за них должен был ответить крайний, а крайним в Володькиной жизни всегда оказывался крутобокий акдарьинский подводный абориген.

Инструктора по спасению Володька наметил сразу. Сашка-шурьяк, верный компаньон его ночных, сазаньих подвигов, магистр бредня, и кандидат плавных сетей, как нельзя лучше подходил для новых Володькиных задумок. Мужик был свой в доску: надежно проверенный темными ночушками на бездонных акдарьинских ямах, второй год, как задействованный и на добычу и на продажу рыбы. Двух миеней тут быть не могло — никакого чужака Володька и за километр не подпустил бы к причалу своей новой конторы. Саша вписывался в кресло инструктора как влитой.

Сложнее было с матросом-спасателем. Володька несколько ревновал к своей прежней должности. Его мучило сомнение, а найдется ли кандидат, вполне достойный бродить по старым Сагинским следам? Все ж таки пять лет провел Сагин в полосатой робе матроса-спасателя — кус жизни, и хороший кус. Непонятно было бы увидеть на столь обжитом самим Володькой месте лицо недостойное. В большое плавание уходили Сагин из малой, невидной гавани, — ну а тот, другой? Не уронит ли в грязь, не опакостит ли Володькино прошлое?

Вопрос с матросом пока оставался открытым.

Пылающие яркими зорями щиты наглядной агитации вторым, помимо сетчатого, забором опоясали Володькину усадьбу. Опять пришлось сугубо раскошиться. Володька никогда бы не мог себе и вообразить, что люди искусства окажутся такими ухарями и живописцами. Казалось, кого бы шутя должен был надувать всякий и каждый, как не разных там художников да писателей?

Однако изъездив весь город и перетолковав о своем заказе со всеми городскими оформителями, Володька с огорчением убедился, что они хорошо знают цену копейке. Кроме того (сговорились, что ли маэстры кистей и красок?), назначаемые ими за работу цены совпадали в пределах десятки. Самое это совпадение ясно показывало, что больших уступок не будет. Такая обнаженная меркантильность творческих работников неприятно поразила и сильно огорчила Володьку.

— Ничего святого уже не осталось на этом свете! — досадовал он.

Но планы Сагина были слишком грандиозны, чтобы пожертвовать даже их деталями в угоду экономии лишней полсотни. Володька собирался блеснуть. Пришлось поднатужиться и заплатить.

Кроме того, на местном верху, там, где решался вопрос о выделении спасательной земли, слово об агитации уже зафигурировало, а именно на фундаменте исполнения этого слова вопрос о земле и решился в Володькину пользу, так что отступать было некуда. Может быть, все Володькино дальнейшее будущее зиждилось на спасательных акварелях. Агитацию упускать было невозможно.

Да и помимо прочего, цветастые щиты создали бы непроницаемый для чужих глаз заслон вокруг Володькиного поместья, а одно это уже с лихвой выкупало все затраты на искусство.

— Эх, где наша не пропадала, — махнул рукой Володька, открывая многострадальный бумажник, — малой в полный рост!

Через месяц Сагин красными, белыми и синими красками громогласно оповещал весь белый свет о взятых им на себя широчайших задачах и ответственнейших обязанностях. и во весь голос грозился не толь-

ко выполнить, но и на сумасшедшей величины процент перевыполнить труднейшее дело инструктажа и спасения утопающих.

11

Время побежало, как бешеное. Малновым маком расцвела Володькина жизнь на унавоженном поле родного ОСВОДа. Правда, и навоза требовалось немало.

Большие люди оказались не такими уж недоступными, какими они выглядели в строгой тишине своих оковренных кабинетов. Нет, на природе, в узком, интимном кругу многие из них оказывались своими ребятами. Ну а те, что не оказывались, те и знать не знали о Володькиной веселой конторе.

Сначала Сагин несколько робел участвовать в руководящих разговорах, опасаясь осрамиться малой своей ученостью: все казалось ему, что предметы внимания больших начальников должны быть самые важные, шибко умственные, никак не доступные его простецкому разумению, но маленько прислушавшись, Володька облегченно вздохнул и повеселел. Разговоры вальяжных сановников оказались на деле самые простые. Речь шла больше о бабах, выпивках да гулянках, ну и иногда возникали стычки о том, кто кого и когда больше надул.

Самая это была Володькина тематика. Плавал Сагин в ней, как годовалый сазан на акдарьинском мелководье. Скоро он с тайной радостью заметил, что его не отшибают от общего «гапа», как это частенько случалось прежде, когда Володька больше молчал, и только редко-редко осмеливался вставить пустяковое замечание.

Нет, теперь к нему прислушивались и особенно внимали, когда Володька, входя в раж, повествовал о своих многочисленных, лихих победах над слабым полом. И чем в большие он входил подробности, тем внимательней становились слушатели.

Нынче к вечеру он ожидал больших гостей. Подошла суббота, а каждую субботу Сагин принимал высо-

ких доброхотов по всем писаным и неписаным законам восточного гостеприимства. Влетело, конечно, в копеечку.

Ну да куда денешься?

— Не иами сказано: да не оскудевает рука дающего.— Тут Володька всегда добавлял про себя: «Вот, вот,— да не оскудевает рука!» Без перманентных раутов на природе никак было не выжить Сагинскому благополучию.

Шурьяк был отряжен в город за коньяком и копченой колбасой, благо на мясокомбинате хорошо знали, с кем хороводится Володька, водки было закуплено, что акдарьинской воды. Белую Сагин и за влагу-то не считал.

— Не потянешь же ее на стол таким тузам, как большой человек из Ташкента или свой «папа» из области (а сегодня ожидались именно они), но на всякий пожарный случай и водяра не мешала.

Сашка был парень простой, и поэтому пришлось его досконально про-ни-струк-ти-ровать! Страшный вкус развился у Сагина к разным начальственным терминам.

— Никаких местных, под маркой коньяка, помоев не брать!— разъяснил родственнику Володька.— Грузинской чачи тоже, а добыть хоть с подземли пятизвездочный армянский.

Сашка, удивляясь, пожал худыми плечами.

На простецкий шурьяков взгляд все эти коньякишмоньяки только на то и годились, чтоб клопов морить. То ли дело была родимая, долголетним непрерывным злоупотреблением проверенная беленькая! Но начальство, понятное дело, выкобенивалось и на самом святом. Вечно для ихних тонких ноздрей то негодилось, что всем годилось. Шурьяк неодобрительно покачал крохотной, птичьей головкой и густо сплюнул на пол Володькиного кабинета.

— Тебе виднее.

Володька побагровел и зашипел на родственника, как разозленный варан:

— А ну вытри!

Шурьяк не понял.

— Чего это?— он недоуменно уставился на пол.

— А ну вытри!— удушливо посинел Володька, при-

поднимаясь из кресла. Объяснить — что — выглядело слишком унижительным.

Сашка все не понимал. Он обрыскал глазами блестящий пол и поднял на Володьку незамутненные виной глаза.

— Чего это ты?

Володька обессиленно бухнулся в кресло и выдохнул так, словно из него разом вышел не только воздух, но и вся кровь.

— Давай, поезжай,— сказал он обреченно.

Шурьяк вздернул плечи, удивляясь загадкам Володькиного поведения, и пошел к выходу.

— Да сам то, сам, чтоб как стеклышко!— плачуще закричал в Сашкину чугунную спину начальник спасательной станции. Шурьяк вышел, не дрогнув в ответ и волосиной.

Володька посидел минуту, другую, скорбно поджав губы.

— Берешь себе на корма, держишь рядом, по уму жить даешь своему вроде человечку,— с обидой подумал он,— а она, вон она, доброта, против тебя же и оборачивается. Давно ли шурьяк стрелял гривенники по пивным да браконьерил на реке по мелочам? Да и браконьерил-то не от себя, а от хозяина, чужой снастью и техникой. И какое могло быть приладье к аршинным акдарьинским сазанам у такого непутевца? Ведь еще до того, как Володька сел в начальственное кресло, шурьяк у него же на подхвате и кормился.

И вот сейчас, поднятый из самой черной грязи, получивший из рук Сагина полосатую тельняшку и форменную фуражку с крабом, встав тем самым в ряды солидных, добропорядочных людей,— чем же он отвечал на неслыханную доброту своего благодетеля? Какими такими услугами и одолжениями?

Володька аж застонал от несправедливости жизни.— Ведь даже нет, чтоб хоть на «вы»; нет, чтоб по имени-отчеству, или там хоть товарищ начальник (ну ладно, конечно не по ночам, не над мокрыми мешками с рыбой), но на людях-то, но на виду-то! Уж мог бы, кажись, сообразить, что негоже, когда начальника спасательной станции целого района свой же подчиненный, какой-то там мелко-невидный ни в один микро-

скоп матрос второго класса, хлопает по плечу и громогласно кличет «Освodom!» Ну ведь негоже это!

— Выгонию к чертовой матери, если и дальше будет так фамильярничать!—внезапно вызверяясь против неделикатного шурьяка, подумал Володька.—И не посмoтpю, что родня. Чужой-то оно выходит лучше своего.

Ну разве чужой человек, поступив под Володькино начало, насмелился бы ляпнуть ему, мол, здорово, «Освод»?—Куда там! Чужой, он и есть чужой.

— Здравия желаю, Владимир Васильевич,—сладко прижмурясь, прошептал Володька свое соответственное должностное величание.

— Здравствуйте, товарищ матрос-спасатель второго класса!

Получалось хорошо.

— И-и-и-эхх!—вздыхнул Володька.— — Трудов-то, трудов-то еще, пока поймут.

С утра Сагин смотался на «Жигуленке» в предгорья, к знакомым чабанам и привез от них жалобно bleющего барашка. Болтали, что и взаправду жил где-то там, за снежным хребтом, ослепший от старости и одиночества шелудивый волк,—благословясь, было на кого списать ненормированную баранинку.

Гости ожидались к вечеру. Чтобы плов доспел к сроку, надо было начинать готовку не позже, как с обеда. Рыбное все было свое. Тут беспокойства не ожидалось — и сомятника, и сазаны, и лещи, и мелкий рыбий сор вроде плотвы на закладку в двойную уху, еще со вчера дожидались гостевого аппетита.

К половине пятого огонь под трехведерным казаном загасили. Плов начал запариваться. От ухи тянуло умопомрачающим запахом. Володька начал томиться. Гости что-то запаздывали.

В четверть шестого подошла запыленная белая «Волжанка». Из широкой двери не спеша вылез высокий, вальяжный человек. Благообразное лицо его было брюзгливо нахмурено, крупный, висячий нос словно бы принюхивался к окружающей обстановке. Это был заместитель областного Володькиного начальника.

Сагин мелким бесом подсыпался к благодетелю. Размниная толстые ноги, тот прошелся по конторскому

двору. Володька подобострастно поддерживал под локоток учителя жизни.

Давид Самойлович повел агатовым глазом по щитам с бодрыми спасательными призывами, плотно огораживающим границы спасательного участка, и довольно покивал Володьке.

— Вижу, вижу. Молодец. Умен оказался. Растешь. Не ошиблись, как видно, мы в тебе.

Сагин расцвел, как пион. Круглая физиономия его масляно залоснилась от начальниковой ласки.

— Стараемся, Давид Самойлович,— браво подхватил он.— В этом квартале по спасенным утопленникам идем с перевыполнением!

Начальник усмехнулся.

— И откуда ты их только берешь, спасенных-то, этих? Сам, что ли, топишь?

Он толкнул Сагина локтем под бок. Володька игриво хихикнул.

— Выходим с положения, Давид Самойлович. Каких, конечно, и сами. План дело святое.

Володька перетопил и спас в бумажной воде всех своих близких и дальних знакомых, и начал уже оприходовать их по второму разу, так что с планом все обстояло действительно в порядке.

Давид Самойлович снова усмехнулся.

— Ну, старайся, старайся,— сказал он.— Смотри только не перестарайся.

Построжев лицом, он повернулся к Сагину.

— Еще кто же у тебя сегодня ожидается?

Володька, прикрыв ладошкой губы, потянулся к начальникову уху и тихо шепнул словечко.

— А-аа,— оживился тот.— Одобряю, одобряю. Я же говорил,— умен. Молодец.

Явно довольный сообщением, он прошел вперед.

— Ну, где тут у тебя чего?

Володька резво забежал сбоку.

— Сюда, сюда проходите, Давид Самойлович!

В небольшом береговом затончике позади пирса был устроен над водой высокий помост. Четыре мощных, вороненой окраски двутавра на два метра уходили в галечники акдарьинского берега. По колоннам шла обвязка из швеллера. На ней располагался обширный,

человек на двадцать, деревянный помост с решетчатым ограждением.

Володька не зря гонял на берег бульдозер и буровую установку,— место заслуженного отдыха было сработано на века.

Поверх черного пола, помост был обшит доской-вагонкой.

Давид Самойлович слегка усмехнулся. Вагонку он узнал.

Поверх дерева лежали верблюжьи ковры. По периметру дастархана, многоцветным радужным поясом бежали атласные курпачи. В центре стояло несколько расписных, жостовских подносов с яблоками, виноградом, курагой, и прочими дарами щедрой восточной земли. В сторонке виднелся отдельный поднос с лепешками.

Во двор вошла вторая «Волга». На машине не было и пылинки. Володька со всех ног кинулся к ней. Прижав ладошь к груди и согнувшись в низком полупоклоне, он отворил белую дверцу.

12

Гуляли далеко за полночь. Съеден был и плов, и уха, и уже по ходу дела сготовили и умяли домламу, а конца веселью все не предвиделось.

До одиннадцати насыщались, и пили, и прели. После одиннадцати у большого человека загорелся специфический аппетит. Сытно рыгнув в Володькину сторону, он поднял осоловелые глаза и поманил начальника спасательной станции.

— Разговор есть. «Гап».

Володька на коленках пополз среди развала тарелок, чайников, обглоданных костей, и пустых бутылок. Большой человек, полуобняв Сагина за плечи, навалился на Володьку огромным своим животом.

— Мамашку надо, Володька,— сказал он, обдавая Сагина сытыми запахами бараньего жира и коньяка.

Володька сполпьяна не сразу ухватил, о чем ему толкуют.

— А, а?— бестолково переспросил он.— Чью мамашку?

Большой человек досадливо сморщился.

— Маруську, Маруську давай
Сбоку придвинулся областной босс.

— Да,— промурлыкал он.— Самое оно. Как раз ко времени. Только ты гляди, Сагин («папа» погрозил Володьке пухлым пальцем, с намертво впившейся в мясо золотой печаткой), чтоб все чистенько было. А то как бы не заловить чего.

Тут до Володьки доехало.

— Вон оно что. Так бы сразу и сказали. А то мамашу, малашку,— сразу и не разберешь.

Гостям требовался десерт. Володька, по лени и сытости, попытался было отнекиваться.

— Поздно уже. Где сейчас чего добудешь? Раньше надо было заказывать.

Но глазки у большого человека совсем уже утонули в сальных припухлостях щек.

— Э-э-э, Володька, такой пустяк, что тебе стоит?— польстил он.— Сам же говорил.

Он подтолкнул Сагина.

— Давай время не тяни. Обычай знаешь? Гостей не обижай.

Володька вздохнул и поднялся с айвана. Он досадливо глянул на часы. Половина двенадцатого.

— Нет, в самом деле, куда на ночь глядя толкнуться?

Сагин мигнул шурьяку. Тот, пьяный-перепьяный, а мигом прибыл. Володька подобрел. Вот она, правильная выучка, уже сказывалась. Сагин бросил родственнику связку ключей. Пьяный шурьяк поймал ее на лету.

— Бери тачку,— строго приказал Володька.— Кати к ресторану. Там сейчас как раз закрывать будут. Может, какие свободные остались: сходу цепляй их и волоки сюда.

— А если голяк?— прищурился многоопытный по этим делам Сашка.— Тогда что?

— Тогда уговори пару официанток,— досадливо разъяснил Володька.— Скажешь, мол, Володя-Освод зовет и отвечает. Мол, жирные фазаны есть — девочки в обиде не останутся.

— Так кого-кого из них забрать?— все допытывал ненужных конкретностей поддатый родственник.

Володька осатанел.

— Ты что, первый раз замужем?— спросил он ядо-

вито.— Или все на свете позабыл? Или, может, сам никогда этим добром не пользовался?

Шурьяк обиженно заколыхался.

— Братан, ну ты даешь. Братан, я же этого, женатый человек; я считай ни-ни... И ноги моей там не было...

Володька едва не откусил язык от шурьякова нахальства. Он бы меньше удивился, если бы ОСВОДовская Жучка сейчас заявила, что она не собака, а кошка... Несколько мгновений Сагин молчал, не находя для ответа подходящих по силе выражений, потом хрипло засмеялся:

— Ну ты захорошел, Сашок. Ну ты перебрал.

Шурьяк продолжал трепыхаться, но теперь уже молча. Похоже было, что он спал.

— Вспомни-кась на той неделе,— разбудил его Володька.— Забыл, с кем ты вот на этом самом месте картину из музея изображал?

— Картину?.. Ах, картину,— вроде бы вспомнил шурьяк.

Володька пихнул его к машине.

— Кати давай, пока там все не разбежались. В случае чего, Катю возьмешь, ну и эту, новенькую, Нельку.

— Это беленькую?— пьяно заулыбался Сашка.

— Во, во!— хохотнул ему вслед Володька.— Вспомнил наконец!

Беленькая, Нелька, была новая официантка из городского ресторана, приехавшая в город пару месяцев назад. Высокая, пышная, щеки — кровь с молоком; пепельно обесцвеченные пергидролем волосы вздымались впереди копской гривой, а сзади доходили до пояса,— очень пришлось Нелька ко двору в захудалом, провинциальном захолустье.

Володька слабо надеялся, что может она сегодня (а вдруг не занята; хотя надеяться на это было трудно). Клев на Нельку стоял самый гидроголовий. Официантка обалдела от сумасшедше посыпавшихся на нее денег,— там, на материке, цена ей была трешка в хороший базарный день; здесь, на отшибе от легко доступных соблазнов больших городов, на Нелькины белорозовые прелести нашлась тьма охотников.

Особенно ошалели от столичной штучки районные тузы. Первый месяц ее работы в ресторане и был ме-

сяцев самой крупной взятки. Она прошла по председателям глубинных колхозов и райпотребсоюзам, как свинья по грядкам с огурцами. Прибыв в Байабат голая и босая, с фибровым жалким чемоданчиком на сиротские харчи к сестре, работавшей судомойкой в «Зарафшане», Нелька через месяц оделась, как заграничная кинозвезда, и увешалась золотыми побрякушками с головы до пят. Если бы перстни можно было носить на пальцах ног, они появились бы у Нельки и там,— но сейчас шел к исходу третий месяц ее службы при ресторане, и сельхозрайон наелся кабацкой Наядой.

Первый аппетит был удовлетворен, и богатая клиентура заметно охладела к молочным округлостям ее перегибистой фигуры. Кроме того, Нелька, ошалев от спроса, уверовала в нескончаемость сумасшедшего кобеляжнего жора и задорожилась.

Если распорядителям тысяч десятин пахотной земли никакая цена не казалось высокой там, где речь шла об удовлетворении их сокровенных прихотей, то уже их замам новая Нелькина расценка оказалась не по карману.

Одурев от безотказа Нелька заламывала за любовные игры такие цены, что даже сугубо сторонний человек Володька тихо матерился сквозь зубы.

— Подумать только, как легко доставались этой крысе ее дурные денюжки. Чтобы их занять, Нельке в самом прямом смысле слова и с кровати-то не надо было подыматься. Да еще небось когда-когда и «кайф» ловит на столь прибыльном занятии!— бесился Сагин.

... Порывистый, холодный ветер над водой; самая середина, хоть глаз выколи, ночной темени; сердитая волна, гулко бьющая в вибрирующую скулу глассера; тяжеленные, мокрые сети; бешено извивающиеся в руках скользкие, сильные рыбыны; пляшущий под ногами решетчатый пол,— того и гляди сыграешь за борт, а там двинет по темечку удачно наворачнувшимся килем и поминай, как звали Владимира Васильевича в его прошлой, многотрудной жизнишке.

И все время глазами по сторонам, по сторонам! Только и зырь, только и поглядывай, только и послушивай,— не застучит ли где (вроде бы за островом, а кажется, что у самого задыхающегося от нервной трясуч-

ки сердца), прерывистый кашель рыбнадзорского катера; не вспыхнет ли посреди туманной, ночной воды кинжальный зрачок прожектора, нацеленного, кажется, в самую середину Володькиного страха!

А дальше? И дальше не лучше. Свинцовые мешки с рыбой; задыхаясь грузит их Володька в кузов бортового зилка, с кряхтением переваливая очередной мокрый четырехпудовик через высоченный борт. Шурьяк в стороне, у дороги, на шухере; где там обхэса,— спят ли, не спят ли? А настороженные Володькины уши только и ждут длинного заливистого свиста — сигнала смертельной опасности.

Ну а в дороге? Каждая встречная фара рубит серпом по мошонке — иначе не скажешь,— такой нечеловеческий страх подымается к горлу от самого низа захладевшего живота. Да что там фара,— каждая низкая звезда кажется лучом милицейского мотоцикла;— ну вот и нарвались, ну вот и приехали! Покуда доберешься до места, весь изойдешь на липкую, соленую слюну, бешеное сердцебиение. Рубашку в конце дороги хоть выжимай.

А результат всех этих жутких трудов и страхов?

Володька сплюнул с сумасшедшей горечью.

Хорошо, если сотни три за ночь очистится. Это дай бог, это еще спасибо судьбе за богатый подарок, а то ведь по пути уходит больше, чем приходит. И тому дай, и этому дай, и подмажь, и поделись,— и каждый встречный-поперечный сует пряником в Володькин карман загробевшую лапу.

Чего, мол, там, ты еще себе сколько хочешь добудешь. Сазана в Акдарье невидимо и немеряно — весь твой; на сто лет хватит, и еще детям останется! А что останется? Да только то и останется, что Володька сегодня, сейчас возьмет. И вот именно с этого, с кровного, тяжелым трудом и риском заработанного, все и норовят снять жирные пенки.

Да разве можно всерьез сравнивать Володькины заработки с лотерейными удачами какой-то там рыжей стервы?! И никакой рыбнадзор, и никакое ГАИ, и никакой ОБХСС к ней сроду не прискребется,— откуда мол чего взято и на какие шиши куплено?

Володька хмыкнул. Он и сам недавно залетел с этой Нелькой. Закосевший был сильно; случайно набрел на

подлючку, ну и не удержалась возжаждавшая душа.

Володька сладко прижмурился.

Куда там Люське до ней. Против Нельки жена чистая колода.

Хорошо, что и был при себе тогда у Володьки только четвертак. После Нельки денег, известное дело, и на трамвай не останется. Уж и грызла его потом рыжая крыса, уж и допекала наутро,— все никак не верилось битой гадючке, что приволок ее Володька в свою освовскую берлогу на всю ночь, имея в кармане столько, сколько Нелька обычно на чай брала с разгоревшегося клиента. Уж и злилась она.

Правда, Володька отдарился утром копченкой — упаковал путем отработавшей ночью подружке пяток янтарных, прозрачных от жира сазанов.

— Это ведь считай по червонцу штука, вот оно полсотни и тянет.

Но Нелька все осталась недовольна — привыкла проклятушая до одурения к живым деньгам, так что уже ни во что не ставила никакие эквиваленты.

Володька усмехнулся.

— Ничего, возьмешь и рыбкой; там же в своем кабаке и пустите ее с Катькой-завзалом по четвертаку штука. Да парезью оно еще и дороже потянет. Клиент дурак,— после поллитры водяры и селедку за осетра сожрет!

... Во двор на сумасшедшей скорости, едва не задавив Володьку, влетела машина.

— Братан, все в порядке! — заорал из черного чрева шурьяк. — Мое слово — олово!

И Сашка засигналил на всю Акдарью.

— Принимай гостей!

Перебивая Сашкины крики, из машины слышался женский смех и повизгивание.

— Гу-дим-м-мм! Бал-де-ем!

13

Нынешним летом Ивану Сергеевичу Никитину ударило двадцать три года.

Возраст на Иванов взгляд, солидный. Уже было всякого за спиной. Вот скажем, армия, срочная служба.

Со всеми вроде наравне ляжку тянуть приходилось, а ушел с нее на гражданку Иван прапорщиком.

Рядом стартовали, а попробуй кто, догони! И опять-таки не куда-нибудь в вольную, цивильную житуху ушел, а на новую службу, и почти что на ту же военную,— охранять от всяких ночных проходимцев народное добро в рядах доблестной рыбоохраны. Мало не та же армия.

Как служил на новом месте эти полтора года? Погоня скажут,— в офицеры выйти за каких-то мгновений пятнадцать месяцев с Ивановым курносом и носом, да с его же средним (только, только) образованием,— это ей-ей как непросто было. Тут понадобились и сметка, и ум, и поворотистость, и многое еще. Жизнь надо было до последней крошечки на службу положить, а и это бы не помогло, не зная Иван назубок самой своей глубинной пуповиной, как знает сосунок мамкину титьку, одного заветного слова.

Слово то было главное в Ивановой жизни. Имело оно страшную силу и звучало так:

«ЗАКОН!»

С самого первого дня своей солдатской службы, еще до присяги, трудно проходя густо подсоленный потом «курс молодого бойца», впитал Иван Сергеевич в самые свои недра это удивительное, огромное слово. Оно потому оказалось близким Иванову сердцу, что ни признавало никакой одинокой, отдельной от других жизни. Подчиняясь милому Ивану, армейскому распорядку, ходило слово по жизни только строем. Со всех сторон его дружески подпирали другие, такой же невероятной силищи, слова.

Одно из них:—«СОВЕСТЬ», стояло, почитай, вровень с «ЗАКОНОМ». Тут же рядом шагали и другие, помельче, пониже ростом, например «ТРУД», «ЧЕСТЬ», «ПОРЯДОК».

Слова подпирали друг друга, а уж их подпирал сам Иван. Вообще-то говоря, он ли их подпирал, или сам на них опирался,— сказать было трудно, а только спросились с Иваном дивные слова эти так, что случись отдирать,— то-то полилось бы кровушки!

А отдирать-таки пытались, и пытались не раз, и не два. И виахалку пробовали, и с подходцем. Чего-чего только бывало не сулили, чтоб Иван с теми словами

расстался. Только шалишь, брат — не выгорело.
— В одиночку в бою ходу нет, вмиг стопчут!— Это Иван еще по армии хорошо запомнил.

Не соглашался он. И каждый такой несогласный свой год за три согласных считал. Потому как трудность большая в жизни накапливалась от несогласия.

Так и плюсовал Иван — год за три, год за три. Как на войне.

Но странное дело, чем труднее Ивану жить становилось, тем легче в нем сердце стучало, тем глаза зорче видели.

И поголубели же они за эти несогласные годы до неимоверной чистоты и небесной прозрачности! Опять же дыхание Ивана уравнилось. Без жадности стал он воздух в себя брать.

И почувствовал младший лейтенант Иван Сергеевич Никитин, как зауважала его жизнь, как шибко зауважала. И продолжал он вести свою прямую линию во всяких сомнительных, и поворотных и в ту, и в другую сторону, случаях:

— Не по закону, мол, поступаете. Не по совести. А стало быть и ответ придется держать.

А как слышал из тьмы угрюмое, огрызающееся ворчание, так добавлял для ясности:

— Вот, как в газете пишут, так и жить будем, так и поступать. Для нас писано — не для заграницы.

И отступали перед его наивной, бесстрашной верой в силу нагой правды и закона матерые, травленные звери, давным-давно поправшие и совесть, и правду, и закон. Не так-то просто оказывалось совладать с человеком, бесстрашно говорившим в лицо любому вору, что он вор!

Байабатский участок рыбоохраны считался в среде оберегателей природы не ахти какой находкой. От области далеко, и опять же места глухие, мало ли чего в тугаях случиться может?

И потом, когда синим пламенем загорелся с опасного для пребывания на свободе бока его старый начальник, больших покушений на освобождающуюся должность не возникало. В охранных верхах решено было, что пусть колючий молодой лейтенант наводит свои небывалые порядки не в областном управлении, а на Акдарье.

— Упечь его на районный отшиб! Нечего в центре глаза мозолить! Пусть на живом деле себя покажет, чем по кабинетам воду мутить.

Так попал молодой Иван в самую середину Володькиных, почитай что, владений.

Старый инспектор, сдавая дела, смотрел вбок и говорил сквозь зубы. Он-то хорошо понимал, почему за него так взялись все кому не лень. Конечно, теплое местечко своему человеку понадобилось, не иначе, вот и полезло каждое прописное лыко в заглавную строку. Да еще сдавать должность новичок потребовал по бумаге.

— А чего тут сдавать! Акдарья — вот она. Туган, те которые не выгорели, на месте, ну а которые выгорели, те, даст бог, снова вырастут. Сазаны все в воде пересчету не поддаются. Браконьеры... Ах, браконьеры, с полным нашим удовольствием.

Старый инспектор загорелся.

— Есть тут один такой, по прозвищу Володька-Освод, никому и ничему на реке не подвластный...

Как дело дошло до Володьки, костяной, поперечной затычкой сидевшего в горле старого инспектора, так и слова у него нашлись, и желание их высказать тоже.

Молодой инспектор только неодобрительно покачал головой, дослушав старого.

— Закон,— сказал он.— Почему не соблюдаете?

Старый молча показал глазами наверх.

— Заступники. Прикормил, как удочкой сазанов.

Младший лейтенант только тверже поджал обветренные губы.

— Последнюю передовицу в «Правде» читали?— негромко спросил он.

Старый инспектор понимающе покивал головой.

«Не жилец, — невольно подумал он.— Эва, куда его кидануло. От смерти «Правдой» не заслонишься; дзот из газеты не соорудишь. У жизни своя правда. Да, Иван этот из молодых, да ранний; с такими как у него дитячьими глазами долго на свете не удержишься, не заживешься.»

Старик ощутил неприятный укол в сердце.

«Так вона зачем его сюды прислали,— подумал он.— А я то было осердился... Ну что ж,— иха власть. Значится, так и должно быть, а мое дело сторона.»

— Такой, значится, вот здесь, посреди рекн, чирный вырос,— осторожно намекнул старый инспектор.

Молодой инспектор посуровел.

— Выдавим. С него н начнем порядок на реке наводить. Пора.

Старый инспектор отвел в сторону загоревшиеся торжествующей радостью глаза.

— Этот щенок, еслн уж вцепится в ляжку, так не отпустит!

Война была объявлена, хотя пока н в одностороннем порядке. Разговор пронзошел вечером, а уже следующим утром — обонм едва дотерпелось до восхода солнца,— поехали знакомиться с противником.

14

Под самое раннее утро, едва только начало чуть светать, Володьку подперла малая нужда. Вздохмаченный со сна, полупьяный, еще не пришедший в себя после вчерашнего разгула, он выбрался на берег н опустилсн к воде.

Молочно светнлся, колеблясь в предутренней дымке, дальний берег. Ночная роса обзеркала нла доски прса. Река спала.

Облегчвшнсь н отзевавшнсь, Володька долго тер кулакамн заспанные глаза.

— Матерь божня, ну н погуделн вчера!

Начальство отбыло в третьем часу ночн. Девнцы дрыхли без задних ног.

— Пушай передохнут. Утром нм еще предстояла кой-какая работенка. Смешно было самнм не попользоваться малннкой.

Володька хотел было вернуться в контору досыпать, но внмманне его првлек проплывшнй над водой дальннй стук мотора. Снгни остановился н прнслушался. Звук нарастал. Вот н стал слышен явственно, н опытное Володькнно ухо уловило в ровном гуле лодочного двигателя знакомое покашливание. Снгни усмехнулся: лучшнй подколодный дружок рыбнадзор катнл в своем корыте посреди дремлющей рекн.

— Ишь, не спится гаду,— неприязненно удивился Володька.— И куда его черти понесли по воде в такую

рань? Все хорошие люди еще спят, одна эта гнилушка уже по реке разгуливает.

Сагин подождал еще немного, еще послушал.

— Никак ко мне правит?

Точно, движок стучал все явственней. Через минуту-другую из парной пелены тумана вынырнула черная посудина. Посредине катера, неясно выраженной угрозой застыли две смутные, форменные фигуры. Моторка направилась к Володькиному пирсу. Сагин удивился:

— Чего это рыбнадзору вдруг зандобилось в моем хозяйстве?

Вот уже третий год пошел, как инспектор и Сагин старались друг друга в упор не замечать. Сталкиваясь нос к носу на воде, они отворачивались и разъезжались, усиленно созерцая противоположные берега реки.

— Чего это он пожаловал ни свет, ни заря?

Володька насторожился.

Моторка мягко причалила к осводовскому пирсу. Набежала и ласково лизнула берег пологая волна. Две темные фигуры легко выбрались на широкий дощатый настил и направились к Сагину. Идущего первым, своего смертельного доброжелателя инспектора, Володька узнал сразу. Он, он милый, и морда, всем светом недовольная, его. Ишь скосоротился, так и стришет, так и стришет по сторонам волчьими глазами. Второй был Володьке незнаком.

Отстав на шаг от старого инспектора, упруго печатал ногу светловолосый, молодой парень невысокого росточка, с лейтенантскими шеvronами на голубых погонах. Володька, заглядевшись на его молодецкую выправку, тоже невольно подтянул сытый живот,— сказала полузабытая армейская выучка. Впрочем, он тут же опомнился и отпустил назад начавшее обрывать жирком пузо.

— Нашел перед кем в струнку тянуться. Такие ли люди отсюда два часа назад отбыли!

Володька усмехнулся.

— Еще неизвестно, кто перед кем замереть должен. А ну цыц, мелкота!

Инспектора подошли к Сагину и одновременно взяли под козырек. У Володьки отвисла челюсть.

— Что за чудо?

Старый его недруг, весь искривившись и пожелтев,

как лимон, отпрапортовал, упершись в Володьку невидящими глазами:

— Вот, значит, гражданин Освод, по долгу службы представляю вам нового инспектора рыбоохраны Байбадского участка, товарища Никитина. Он теперь будет нести охрану браконьерства на реке и прилегающей местности.

Тут молодой инспектор дернул плечом и поправил старого:

— Охрану от браконьерства. От!..

Старый недоуменно повернулся к нему.

— Я и говорю. Прикорот делегам давать.

Он неловко потоптался на месте и добавил:

— Чтоб, значит, порядок был. А то ведь чистый грабеж.

А уж выступивший вперед молодой лейтенант сам рапортовал Володьке срывающимся петушиным голошишком, что зовут его Иваном Сергеевичем, и что доверено ему государством важнейшее дело сохранения в целостности и неприкосновенности двадцати пяти погонных километров великой азиатской реки.

Несколько ошалевший от охранных приступов Володька наконец спохватился.

— Это за что же мне такая честь?— ядовито спросил он у полного состава караульной при воде службы.— Я вроде к вашим делам особого касания не имею?

— И как собираются защитники народного добра оберегать его от расхитителей,— поврозь, или, значит, вместе?— ехидно добавил Сагин, глянув в сторону старого инспектора.

Ходил, ходил между речным народом слушок, что прищучили где-то на большой «лапе» старого охрановского волка, и дела его нынче дохлой рыбой запахли.

Старый инспектор, чутко уловив ехидцу в Володькином вопросе, скривился еще пуще.

— Сымают, сымают меня с должности; это ты правильно слышал,— мрачно ответил он.— Стара, видно, кобыла стала, вся выносилась, пора и на живодерню. Только тебе с этого прок маленький.

И гася веселую улыбку, заплескавшуюся в Володькиных глазах, с угрюмым напором продолжил, что познакомить нового хранителя природных богатств с реч-

ным хозяйством он решил именно с Сагина потому, что по его глубокому и давящему убеждению, первым и злейшим врагом Акдарьи является он, оборзевший от безнаказа Володька-Освод.

— А врага, значит, надо знать в лицо, чтоб при случае не прошибиться, выцелить его, гадюку, в десятку! Вот почему и приехали,— злорадио закончил он.

Володька сходу осек зарাপортовавшегося доброжелателя.

— А не пойман — не вор, такое слышал? Языком молоть все горазды, но только говори, да не заговаривайся; перед тобой не какой-нибудь хухры-мухры, бичующий на реке, а начальник государственной спасательной службы. И за дуриные слова, да облыжные оговоры легко привлечь можно. По параллельной статье,— винтом свернул Володька.

Новый инспектор, помаргивая белесыми ресницами, молча слушал пикировку старых знакомцев. И только под конец разговора, когда разгорячившийся от непросохшего хмеля в крови Володька, с легкой угрозой заявил, что на реке хозяин тот, кто и в городе хозяин, и что не мешало бы некоторым зубы прикрыть, не шибко их показывать, чтоб не отлетели они случаем вместе с головой, что вроде с одним из нижеприсутствующих, насколько ему, Володьке, известно, уже произошло,— только тогда молчаливый молодой лейтенант уронил негромкое слово, горячим варом обжегшее разбежавшийся Володькин язык.

— Закон,— твердо выговаривая буквы, сказал он.— Закон во всей нашей стране хозяин, и на реке, и не на реке.

Лейтенант снова приложил пальцы к лакированному козырьку.

— Приятно было познакомиться. Надеюсь, что вы поняли, что закон нарушать нельзя. Не позволим.

Он легко повернулся на каблуках и так же четко, как и раньше, пошел, печатая размеренный шаг. Володька проводил его насмешливым взглядом.

— Куга зеленая. Салага. Сазан-годовик. Уже такие молодые петушки начинают кукарекать в солнечную сторону. Сначала голос поставь, а потом и пой! Закон... Закон — тайга, товарищ младший генерал. Вон он, твой закон,— всю нынешнюю ночь на мои денежки гудел.

Вот тебе и весь закон. Пушай теперь попробует отпереться.

Весь он у Володьки в кармане лежит,— с головой, ногами, руками, и копытами. Только пискин теперь кто на Сагина,—вмиг рука с волосатой пятерней поднимет телефонную трубку и...

— Как бы тебе, молодой Иван, в самом скором времени не поехать охранять природные богатства в пустыню Каракум. Там ведь тоже поди, есть что охранять, в песках-то этих!

Володька рассмеялся.

Задержавшийся около него старый инспектор резко шагнул вперед и схватил Сагина за тельняшку.

— Скалишься, Освод?— прошипел он в Володькино лицо.— А забыл, как в народе говорят, что, мол, хорошо тому смеяться, кто последним смеется?!

— Но, ио,— Володька сбросил с тельника ухватистую ладошь.— Лапы-то приberi! Тебе сейчас свое горло беречь впору, а не чужое лапать. Руки у тебя нынче коротки. Понял?!

Инспектор из желтого стал зеленым.

— Думаешь, я не знаю, чего ты так осмелел?— сипло прошипел он.— Или не ведаю, с кем ты сегодня ночью гудел? Все знаю, все ведаю. Думаешь, шишек прикормил, припоил, шаболд под их подстелил, и все? Твоя взяла? Ничего, на хитрую скважину ключ с винтом! Я с тобой не совладал; виноват, мой грех, у самого задница в дерьме была, не под силу ты мне оказался. Так только не всегда тебе в меде купаться,—времячко на дворе настало аховое,—я горю, ио и ты, Освод, придет день, запылаешь!

Он пригрозил Володьке кривым, дрожащим пальцем.

— Молодой Иван скрозь чист. К ему на кривой кобылке не подъедешь. Гляди, как бы теперь и пузатые дружки твои не закачались! Попомнишь тогда, как я топул, а ты приплясывал. Жизнь, она длинная.

— Вали, вали отсюда,—нахмурился Володька.— До моих дел не твоя теперь печаль. Попел нам песенку и будя,—долго тебя слушали, да больше не хотим. Прокурору допоешь...

Старый инспектор отвернулся и быстро пошел к моторке. На самом конце пирса он оглянулся на улыба-

ющегося во весь рот Сагина, и прокричал, как выплюнул:

— Еще поймешь гад, как с законом шутки шутить!

Затарактел мотор. Володька пожал плечами, молодецки сплюнул и пошел досыпать сны.

И только где-то на самом краю его умудренного жизнью сознания царапалось неясное то ли сожаление, то ли предчувствие назревающих неприятных перемен. Слишком уж чистые и ясные глаза смотрели на него минуту назад из-под рыжеватых, выгоревших бровей. Володька с радостью предпочел бы такой незамутненной, детской голубизне карюю, волчью темноту, и острый прищур глаз старого инспектора.

— А, ничего,— успокоил он себя.— Обтешется. Ак-дарья и не таких от глупости отстирывала.

И все-таки несмотря на все удовольствия, полученные Сагиным от поражения давнего врага, Володька и впредь предпочел бы иметь дело именно с ним.

— С тем знаешь, как быть. А новый, что же? Молодой, горячий,— как бы дров сглупа не наломал.

— Э-э-х,— вздохнул Володька.— Спа-а-ать хо-цца!

15

Через два дня Сагин был взят с сетями на Княрской яме. Слава богу еще, что ни одного замета он сделать не успел. Обошлось в полстраха и убытка. Сети были конфискованы, составлен протокол, и Володька оштрафован на полсотню.

Неприятно, конечно, было Сагину услышать гром, среди вот уж пять лет как ясного неба, но он только усмехнулся:

— Новая метла по-новому метет. Что ж тут поде-лаешь? Подождем, потерпим. Оно и дождик не всегда мочит, оно и солнце не вечно печет.

Сагин был выше головы уверен, что налеты и порывы молодого Ивана = временные; только для нагона страха и набоя цены. Володька и сам бы точно так же шустрил на Ивановом месте, — иначе как себя поставить перед речным народом? Следовало просто переждать свирепости микрогеперала,— ведь когда-то нажрется же он властью и поуспокоится?! Тогда бы и потолковали по душам.

Но соприкоснуться душами не удалось. Через пяток

дней последовала еще одна ночная встреча с поличным, на яме; теперь уже в Володькином глиссере возопил к небу центнер свежедобытого сазана. Еще через пару дней Сагин попался опять.

Тем же утром на его участке был сделан обыск. До-сматривала, конечно, не рыбоохрана. У Володьки конфисковали восемнадцать сетей и четыре больших бредня. ОБХСС завела дело на Сагина. Все необходимые для этого материалы были представлены в органы инспектором рыбадзора Никитиным.

Володька, казалось, слегка помрачился в разуме от непрерывно сыпавшихся на него ударов. Явно свидетельствовала об этом выемка сетей из ОСВОДовской конторы. Откуда взялась у Сагина такая железная уверенность в полной недоступности для «оперов» конторского склада, бог весть, а только пострадал он крепко. Всего и осталось из снастей, что два бредня и четыре сети, сохранившиеся дома.

Что творилось в его душе в этот страшный месяц, когда молодой Иван недрогнувшей рукой рушил многолетнее Володькино благополучие, и тюрьма вновь стала ходить за Сагиным по пятам, он никому не сказал. И только к концу месяца увидел насмерть перепуганный, и шедший «подельником» Сашка, как наконец очистились от пепельной муки крохотные Володькины глаза, и чуточку распрямилась его погнувшаяся в миллиейских коридорах спина.

Шурьяк облегченно вздохнул.

Расследование было временно приостановлено. У Володьки и Сашки отобрана подписка о невыезде за родные пределы. Велено было так же представить следствию совершенно неопровержимые характеристики и ходатайство коллектива об отдаче провинившихся на поруки.

Володька перевел дух. Тут уже и Люська не могла ему ничего путного присоветовать. Акдарья словно превратилась в минированное поле,— в собственном своем, считай, огороде, приходилось ступать с опасением и оглядкой.

Первую и самую горячую вспышку огня Володька притушил сам, никуда за подмогой не толкаясь. Он чувствовал больше под ложечкой, чем умом, что время тех толчков еще не подошло.

Слава богу, нашелся окольный ход и в тот непри-
метный кабинет, из которого Сагина легко могли в одну
прекрасную минуту вывести в наручниках,—но ход
этот Володька разыскал сам.

— Вот видишь,— возбужденно нашептывала ему в
ночной тишине обрадованная жена,— все люди, все бе-
рут. Что ж ты с самим инспектором поладить никак не
можешь? Или что другое меж вами завелось; или ты
скрываешь от меня чего?

Сагин только отмахнулся от жены.

— Да чего там скрывать? Было бы чего, так уж
давно бы сказал!

— Так в чем же дело?— не отставала Люська.

— Понимаешь, честный он мужик, потому и не бе-
рет,— с трудом выговорил Володька эти непривычные,
чудовищные для него самого слова.

Люська зашипела, как плевков на горячей сковоро-
дке.

— Да ты уж совсем рехнулся с перепугу, милый
муженек,— выпалила она с сердцем.— Право слово,
рехнулся. Да где это, и когда было видано такое, чтоб
начальнику давали, а он не брал?! Че-е-естный...,— с
невывразимым презрением протянула она.— Да он кто
есть, министр что ли какой, чтоб честным-то быть? Или
у него уже сто тысяч лежат в заглазнике, что так за-
гордился? Невелика птица, не ей под облаками летать.
На его ли зарплате честным быть? И почище его люди
копейкой не брезгают. Тоже мне, корчит из себя девочку.
Вот выбьется в большие люди, вот оперится, тогда
пусть и представляется. Честный.

— В общем много толковать нечего,— строго прика-
зала Люська мужу.— Чтоб немедля купил ты его со
всеми потрохами! Сколько спросит, столько и дай. Он
цену набивает, придушивается, а ты всерьез и поверил.
Эх, простота. Сейчас же поутру иди и дай в «лапу» не
жалей. Ничего, мы еще свое наверстаем, лишь бы от-
вязался.

Володька в отчаянии ударил кулаком по волглой по-
душке.

— Я ли не сулил? И слушать не хочет.

— Вот, вот,— торжествующе ухватила Люська.—
Сулил. Соловья баснями не кормят.

— Ты не сули,— научила жена.— Ты ему деньги,

денежки покажи. Чтоб он своими глазами увидел. В жизни не устоит!—убежденно заявила она.—А то — сулнл.

Володька подумал, подумал, да так и сделал.

— А что еще оставалось?

Лейтенант денег взял. А через полчаса, летевшего на крыльях Володьку, сцапали прямо на улице. Хорошо еще, что свидетелей исполнения мудрого Люськиного наказа не нашлось. Сагнн от всего отперся и на том закаменел. Следствием отважного поступка явилось дополнительное обвинение Сагнна в новых преступных деяниях, правда уже по другой статье УК. Это мало утешало. Попытка подкупа должностного лица при исполнении им служебных обязанностей. Плюс три.

Володька едва не поседел. И деньги зазря пропали (Сагнн наотрез отказался от своего бывшего над ними владычества), и «косуха» как-то незаметно растворилась в коридорах власти, так и не дойдя до государственной кассы, и весь толк из дела вышел противоположный тому, какой планировала жена.

— Стервь поганая!—рычал Володька, то ли на дражайшую половину, то ли на самого себя.— Нашел кого послушать!

— Немедля притухни,—сказал Сагнну следователь, ведущий его дело.—Будешь еще рыпаться, закрою. Дал я тебе маленько дышать, так не думай, что ты опять на коня забрался. Вполдыха дыши! Да чтоб пачка оправдательных бумажек завтра у меня на столе лежала. Чтоб общественность за тебя горой поднялась, а не то... А насчет Ивана Сергеевича так тебе, Сагнн, скажу: как завидишь его где, на речке ли, или просто на улице, так беги от него со всех ног, куда глаза глядят! Да смотри не оглядывайся. Тебе же лучше будет. Не шутя, Сагнн, предупреждаю.

Володька согласно кивнул головой и понурился.

Капитан холодно оглядел его сгорбленную фигуру.

— Умел брать, умей и ответ держать. Народную мудрость помни:— Не тот вор, что украл, а тот, что попался! Ну ладно, иди. Свободен пока.

Слово «пока» жалом воткнулось в Володькино сердце.

Сагнн вышел на улицу, присел на скамеечку и задумался.

— Пожалуй, пора. Да, настало время взыскивать по старым векселям. Даром что ли целые годы поил, кормил, девочек под его подстилал?

Большого человека и берег Володька на такой вот крайний, предельный случай.

— Пушай отработает, что сожрал,— подумал Сагин.— Ему что стоит? Один звонок и пошли колеса крутиться в обратную сторону. Вмиг все затухнет. Кто захочет из-за какого-то задрипанного Володьки идти наперекор большому человеку? С им ссориться, все одно, что самого себя под корень рубить. Стопчет и бровью не шелохнет.

— Да, пожалуй, пора.

16

Сагин бегом помчался в белую трехэтажку.

— Ничего, еще не все пропало,— мы вам — вы нам!— так спокон веку в жизни ведется.

... — Что за чудо?!..

Кабинет, который всегда был так гостеприимен, нынче выглядел неприступным бастионом. Двойная дверь была наглухо заперта перед разбежавшимся Володькой.

— Неужто уже доложили? Ну так и что?— теперя пьянка такая пошла, что резать последний огурец приходится. Выручай, гад!

Секретарша окрысилась на Володьку, как хорошая овчарка.

— Неприемный день! Занят он. Русским языком вам говорят!

Володька изумленно воззрился на нее.

— Да ты что, Аля, белены объелась? Не узнаешь старых знакомых? Ведь это же я, Освод!

Он попытался приятельски хлопнуть добрую знакомку по плечу. Секретарша отшатнулась от его руки, как от раскаленного железа.

— То-то и оно, что Освод,— неволью вырвалось у нее. Впрочем, Аля тут же поправилась.

— Это вы, видно, белены объелись, гражданин!— нестерпимо громко прокричала она, косясь краем глаза в сторону обшитой югославской кожей, двери.— По

личным вопросам прием в четверг, после шести, и только согласно предварительной записи. Идите на вахту, там вам скажут, у кого записаться.

И Аля шустро затрещала на машинке.

Володька остервенел.

— Месяц назад вместе гудели всю ночь без всяких предварительных записей, а теперь...

Он круто повернулся и рванул на себя кожаную дверь. За спиной визгливо заверещала секретарша, но Володька, миновав тамбур, уже был внутри огромного кабинета.

Холодом и льдом встретили его немигающие, стеклянные глаза, плавающие над грудой бумаг. Сагинская горячность несколько поутихла.

— Вы как сюда попали, гражданин?— пророкотал спокойный, отстраняющий голос.— Я же просил секретаршу никого не пускать. Сегодня у меня неприемный день, и я очень занят. Приходите согласно расписанию, а сейчас попрошу вас покинуть кабинет.

Володька онемел.

— Турсун-ака,— наконец выговорил он.— Вы меня, что ли, не узнали? Это же я, Володька со спасательной станции. У меня к вам срочное дело есть.

Хозяин кабинета помолчал и, наконец, нехотя отодвинул бумаги.

— Узнал, узнал,— недовольно пробурчал он.— Ну говори, чего тебе нужно? Дел много,— давай выкладывай и уходи!

Ошарашенный небывалым приемом, Володька изложил большому человеку завязавшуюся задачку. Тот внимательно выслушал и нахмурился.

— Ну и что?— спросил он, глядя поверх Сагина.— Ну и зачем ты это все мне рассказал?

— Как зачем?— удивился Сагин, еще не желая поверить в очевидное.— Да ведь вам стоит только слово сказать, и все изменится. Что вам какой-то инспекторишка? Вызвать его, намекнуть, чтоб не в свои дела не совался... А уж с остальными я сам договарюсь...

Большой человек посмотрел в окно, посопел, потом лицо его начало приобретать оттенок оббивки кабинетной двери.

— Ты что?— свистящим шепотом спросил он попятившегося Володьку.— Ты совсем спятил? Ты чего при-

перся ко мне со своими воровскими делишками? Забыл, куда пришел? Забыл, какое нынче время на дворе? Сам сижу, как на костре — не знаю, что завтра со мной будет! А ты хочешь в какие-то махинации меня впутать? Это кто тебя научил ко мне придти, кто посоветовал — ну, говори!

Володька с перепугу потерял голос. Это было не анекдоты на айване травить; впервые он явственно понял всю огромную разницу их с собеседником положения. Из этого, кожаного кабинета загреметь за решетку было еще проще, чем из того, из которого он недавно вышел.

Утирая холодный пот, Сагин пролепетал:

— Что вы, что вы, ака? Никто ничего не советовал. Просто я сам, по старому знакомству решил попросить...

— Я тебе дам старое знакомство! — грянуло, как из тучи. — Среди моих знакомых жуликов и проходимцев нет! Сам влез в грязь, сам и вылезай! Прешься сюда, как в собственный сарай! Еще раз здесь появишься, пеняй на себя — в двадцать четыре часа из города вылетнешь! Вон отсюда!

Володька пулей вылетел из кабинета. Пальцы его дрожали.

— Чего же мне теперь? — бессмысленно бормотал он. — Чего же мне теперь?!

Секретарша подняла из-за машинки понимающие глаза.

— Вышиб? — участливо спросила она. — Я же говорила тебе — не ходи.

— Что это с ним? — трудно выговорил Володька.

Аля поманила его к себе наманикюренным пальчиком. Сагин подступил ближе.

— Комиссия приехала, — шепотом поделилась секретарша. — Аж оттуда! — она указала на потолок. — Проверяют. И по квартирным делам, и вообще. Ну и аморалку. Знаешь же, на чем больше горят. Под ним самим сейчас земля дрожит. До тебя ли? Вот и не велел пускать к себе всяких, разных... — она чуть замялась, — бывших знакомых.

Володька крикнул.

— Так. Понятненько. Значит, каждый за себя, а бог за всех?

Секретарша пожала плечиками.

— А ты как думал? Своя рубашка к телу ближе.

Сагин понял, что из назревшего криминала ему придется выпутываться самому. Помощи ждать больше было неоткуда.

17

Ночь упала на топкий берег Акдарьи тяжелым, ватным одеялом. Неслись по темному небу рваные клочья туч. Северо-западный, дождевой ветерок налетал беспорядочными порывами.

Сашка-шурьяк уж два раза спускался к причалу,— все проверял хорошо ли уложена сеть и мешки под рыбу. Володька терпеливо дожидался в своем кабинете промыслового часа.

Из-под зеленого, шершавого колпака настольной лампы лился мягкий, рассеянный свет. В открытое окно теплым потоком врывались знакомые запахи ночи, невольно заставляя вздрагивать и трепетать широкие Володькины ноздри.

Тонкий аромат созревающей мяты примешивался к горячему запаху накалившегося за день воздуха; от дальнего асфальта тянуло легким бензиновым чадом, но все перебивало и перемешивало прохладное дыхание близкой реки. От нее пахло чуть различимой затхлостью гниющего камыша и свежей рыбой.

Володька, от нечего делать, забавлялся лампой. Короткопалая рука его, лежащая на выключателе, изредка вздрагивала и тогда прерывалось ровное дыхание света. Проходило несколько секунд и резкий удар лучей вырывал из упругой темноты широкое, котовье лицо с рыжеватыми бачками и острыми щелочками припухших глаз.

Наконец шурьяк за окном не выдержал.

— Ну чего мигаешь светом, ну чего мигаешь?— с досадой пробурчал он.— Домигаешься до беды. Нашел занятие.

Володька вздрогнул. Палец его застыл на кнопке выключателя.

Весь день Сагин был не в себе. Липкая боль неприятно покалывала висок. Немоглось.

— Или не ехать сегодня?— вяло подумал Володька.— Оно и в самом деле, долго ли до беды? Ведь на

паутинке вишу. А ну как нынче опять заловит, тогда что?

Володька сухо усмехнулся.

— Тогда сушите сухари и пишите письма. Через этого молокососа прахом пойдет все нажитое. Тогда лет пяток не Люську буду лапать, а подушку соломенную.

— Так не ехать?..

— Как не ехать?— испугался он.— А машина будет ждать?

В пять утра к воротам ОСВОДа должен был подрулить сазаний оптовик.

— А убытки уже какие понесены? Чем компенсировать? Да и дальше как жить? Что ж, каждую рыбину за пазуху прятать и глядеть, как бы молодой Иван за шкурку не ухватил? Ну нет, шалишь, чем так жить, лучше вовсе не жить.

— Не дамся!— подумал Володька, леденея сердцем.— Вывернет его ночью на меня, значит судьба такая у младшего лейтенанта. Значит, срок его жизни пришел.

Сагин потрянул головой, отгоняя вставшее перед глазами темное видение.

— Нет, не дамся! Или он, или я.

Володька глянул на часы и решительно встал.

— Пора. Половина двенадцатого. Самое время подоспело делать серьезные дела.

Темень на дворе была, хоть глаз выколи. Только изредка в разрывы туч wpłyвал узкий серп месяца. В распахнутые окна тянуло ночной прохладой, и даже комары как будто несколько утомонились. Шурьяк уже возился у причала.

До Киярской ямы на глассере было сорок минут ходу. Каждый замет плавной сети брал около часа времени. До четырех утра надо было уложиться двумя заметами, и к пяти поспеть обратно. Клиента томить ожиданием не полагалось.

Оптовый покупатель живого товара имел с Володьки рубль на каждый килограмм рыбы. В другое время Сагин не стал бы с ним и разговаривать,— повез товар сам,— но в нынешний тяжелый момент брать на себя третью статью, особой охоты не было. За глаза хватало

и двух имеющих. Вот и приходилось нести неоправданные убытки.

Володьга со скрежетом зубовым приплюсовал их молодому Ивану. Счет его к инспектору рос не по дням, а по часам.

Сагин тоскливо ежил, отдавая сазаа вполцены против базариного, но в душе вполне понимал всю справедливость в калькуляции торгового человека.

После расчета с Володькой начинался уже сплошной его риск — триста километров голой дороги с пятью, шестью постами ГАИ. От второго рубля на этом пути шутя отламывался полтинник. Сама машина денег стояла, да и там, на дальнем рынке, на штучной веселой распродаже, пальцев бы на руках не хватило перечислить всех, кто жадио присасывался к барышу. Полупудовой рыбины да красненькой в карман стоил каждый подход к прилавку работника контролирующей торговлю организации.

Володьга усмехнулся.

— Вот те рыбаки, так рыбаки. Никогда пустую сеть из мутной воды не вынают. Хотя сколько, да есть!

— Ну чего ты? — прервал его раздумья шурьяк. — Время вои уже сколько! Прокаинтелимся!

Сагин тяжело перевалился через алюминиевый борт.

— Поехали.

18

К катеру была привязана плоскодонка шурьяка. На стопке рыбных мешков лежал тугой скаток мешка с сетью.

— Ну, с богом, — суетливо затормошился у рулевой колонки Сашка.

Володьга отцепил от бронзового кольца и закинул внутрь катера носовую чалку.

— Заводи, — приказал он.

Одним дыхом, с полоборота, с первого усиленного дерга завелся мощный мотор. Володьга надвинул на лоб кепку и сел за руль. Он перевел реверс на рабочий ход. За бортом важно зажурчала сонная парная вода. На ветровом стекле заиграли луиные блики.

На место прибыли быстрее, чем рассчитывали. Остановились, огляделись. Рваные обломки туч загроможда-

ли тревожное небо. То возникала на стреминие ровная лунная дорожка, то рассыпалась на drobные, серебряные капельки. Выждали минуту, другую. Вокруг было тихо.

— Начнем!— скомандовал Сагин.

Сашка подтянул лодчонок к борту глиссера и перелез в свое неуклюжее корыто. Володька оседлал мешок с сетью и, вытянув концевые шнуры снасти, передал их шурьяку. Сашка привязал стропы сети к корме шаткой посудыны и легкими толчками весел стал отводить лодчонок к берегу. Володька, чуть подрабатывая мотором, удерживал катер на месте. Сеть легко уходила в воду. Через десять минут серая цепочка хорошо заметных на черной воде поплавков протянулась от глиссера к берегу Акдарьи. Самыми малыми оборотами двигателя Володька пошел вниз по течению. Линия поплавков заколебалась и начала выгибаться в дугу.

Сашка там, у берега, всю орудовал веслами. Ему важно было не отстать от катера. Две связанные между собой лодки пошли вниз по течению. Вот стометровая сверкающая паутина капрона, грузил и поплавков полностью выползла из мешка. Володька шустро перехватил концевые стропы и накрутил их на железный крюк. Сеть ушла в воду вся.

Володька тихо присвистнул. Сашка отозвался ответным сигналом. Отсюда, с середины реки были хорошо слышны его утробные выдохи. Вода у берега чуть шевелилась, и чтоб угнаться за Сагиным, идущим по стреминие, шурьяку приходилось ворочать веслами в полный мах.

Володька почти приглушил мотор. Он опустил руку за борт и перехватил пальцами уходящий в воду напружиненный шнур. Капрон туго вибрировал и чуть слышно пел в его руке. Время от времени до Володьки доходили передаваемые шнуром далекие, глухие удары.

Тук... тук... тук...

Каждый такой удар отзывался маленькой радостью в Володькином сердце,— это плотно садились жабрами в режак его сети полусоинные акдарьиинские сазаны. Вот ударило сильнее.

— Ого, здоровый кабан!— весело удивился Сагин,— пожалуй на полпуда потянет.

Прошли еще сотню метров. Шнур в Володькиной

руке задрожал и забился крупной дрожью, так, словно там, под водой, кто-то невидимый стал дергать и тянуть сеть сразу во все стороны. Володька прибавил обороты двигателя. Он резко свистнул и начал подворачивать глиссер к берегу.

Первый замет оказался фартовым,— в сеть вошла целая сазанья стая. Сашкино пыхтение усилилось. Стоя на мелководье, шурьяк, изогнувшись глистом, удерживал сеть. Володька приткнул глиссер к берегу в метре от него. Выскочил из катера, ловко перехватил свой конец сети и крепко уперся подошвами в илистое дно,— выбирать из воды мокрое стометровое полотнище с двумя десятками застрявших в ячее крупнх сазанов, было дело нешуточное. Через пяток минут от промысловиков пошел пар.

Первых рыбин Володька, спеша выбрать сеть, бросил на дно глиссера, но они так бились боками об решетчатый деревянный настил, так гулко лупили широкими хвостами в тонкие алюминиевые борта, что пришлось отвлечься от главного и затарить сазанов в мешок. Добыча грозила вот-вот разбудить все окрестности,— звонкие металлические удары далеко разносились по притихшей реке.

Сагин метнулся в катер и распылив рукой и зубами мешок, другой рукой быстро набил его увертливыми рыбинами. Привычные к ночным сазаньим делам пальцы его мгновенно находили на скользкой, слизистой чешуе сазаньих тел, косые крышки жаберных щелей и узкие проколы анальных отверстий. Зацепив рыбину одним пальцем то с головы, то с хвоста, Володька неуловимым движением бросал ее в мешок. Подключился Сашка. Дело пошло еще веселее.

Через полчаса вновь проснулся мотор глиссера. Надо было поспеть еще с одним заметом. Два пятидесятикилограммовых мешка с рыбой радующим глаз рядом разместились по центру освоодовской моторки. Полтора часа занял у рыбаков первый замет.

Володька отер ладонью потный лоб и прислушивался. Стрекотанье сверчков и цикад на Волчьем острове слилось в один неразличимый мерный напев. От воды тянуло запахом парного молока и свежей рыбы. Сагин вдохнул полной грудью сладкий ночной воздух, насыщенный опасностью и фартом,— это была жизнь!

Две связанные коротким фалом лодки быстро выхо-

дили па стержень воды. Волчий остров темнел далеко позади.

Второй замет не заладился с самого начала. Сначала Сашка запутался в мокрой сети и добрые полчаса, матерясь отдирая от цепких деревянных бортов своего неуклюжего авианосца прилипчивый к заколам дерева капрон. Потом сам Володька поскользнулся на покрытых рыбьей слизью решетках и едва не сыграл за борт. Наконец кой-как разобрались с сетью и разъехались. Следовало поспешать. Чертова уйма времени оказалось зряшно потерянной. Сашка на своем корыте уехал, как марсианин, торопясь растянуть сеть поперек реки. Наконец и с этим сладилось. Володька начал успокаиваться.

— Ничего, поспеем.

Но не успел он додумать эти роковые, сглазные слова, как нижний, грузиловый строп резко дернулся и натянулся до звона. Володька моментально вырубил движок.

— Туды твою мать,— грубо выругался он.— Не было печали! Зацеп.

На той стороне воды, у берега, Сашка захлюпал веслами, безуспешно пытаясь стянуть сеть с коряги. Володька зло бросил в темноту:

— Суши весла! Приехали.

— Зацеп вроде,— глухо донеслось от берега.— Видно на корягу нанесло.

Володька в сердцах трахнул ладонью по воде:

— Эх жизнь, будь ты неладна! Как не повезет, так на родной жене триппер поймашь!

Дело поворачивалось плохо. Второй заплыв считай пропал. Времени и без того оставалось в обрез, а тут еще неизвестно было, что там на дне, и сильный ли зацеп? Хорошо если удастся, оттащив сеть выше по течению, сдернуть ее с подводного крюка,— а как нет? Что тогда? Снасть на реке не бросишь; пока не высвободишь капроновое полотнище из водяного плена, нечего и думать о возвращении домой.

Володька глянул на часы.

— Мать честная,— начало четвертого, а сколько еще провозиться придется, неизвестно. И главное, вот-вот светать начнет,— не хватало только после недавних

прорывов вляпаться в новую беду. Небось молодой Иван только и ждет такого подарка.

Володька поднял голову, всматриваясь. Кругом заметно посветлело. Шурьяк копошился в своей лодчонке.

— Брось сети!— прорычал Володька.— Чего ты тянешь ее, как дурак? Только крепче сядет! Заведи конец на берег, завяжи за камыш и дуй сюда! Поинял?!

Сашка пробурчал из темноты что-то нечленораздельное. Время тянулось нестерпимо медленно, пока наконец из серой мути не вынырнула его раскочливая посудина.

— За смертью тебя посылать!— ругнул родственника Сагин.— Время уже сколько?! Сам не сообразишь быстрее поворачиваться?

Сашка виновато опустил крохотную головенку.

— Да я, это...

— Ладно!— оборвал его Володька.— Потом доскажешь! Лезь ко мне.

Они отцепили сеть от глссера, привязали конец ее к шурьяковой лодке и на самом малом ходу катера пошли к месту зацепа.

Володька багром полез в воду, поймал приотпленный зацепом поплавковый шнур сети и попробовал потянуть его на себя. Шнур поволок его вниз, как хорошая стальная пружина, и Володька понял, что сеть села на корягу намертво. Подрабатывая мотором, он попробовал пройти вверх по течению. И тут сеть не поддалась. Капрон запел и остановил глссер. Сашка кряхтя удерживал багор.

Он безуспешно возился около сети уже добрые полчаса, и так увлеклись, что совсем не услышали негромкого чавканья чужого мотора. Луч карманиого фонаря, ударивший в них с расстояния трех метров, буквально сбил обоих браконьеров с ног.

— Влипли!— только и успел подумать Володька.

Из чернильной темноты за фонарем, донесся до рыбных добытчиков звонкий насмешливый голос, от которого у Володьки знакомо заломило в висках.

— Ну что, помочь? А то вы, я вижу, вдвоем не справляетесь!

Шурьяк нкнул и прикрыл ладонью лицо. Володька выпрямился и отпустил сеть. Он мучительно старался разглядеть, есть ли еще кто-нибудь кроме молодого Ивана в подкравшейся к ним рыбоохрановской моторке.

Что дело их было швах, он сообразил сразу; теперь все дальнейшее решало огромной важности обстоятельство — один инспектор в лодке или не один?

Прошлые разы и поимки Иван действовал кучей, на пару со старым инспектором и добровольными помощниками из общества рыбаков.

Ну, а сегодня? Если и нынче лейтенант не один, то незачем и барахтаться — ночь, сети мешки с рыбой, государственная моторка, — иного для себя лучшего его беспощадный преследователь не мог бы и придумать.

Страшная тоска на миг затуманила Володькину голову.

— Следствие, суд, конфискация имущества, тюрьга, — ясно, что срок припаяют на полную катушку; все пойдет прахом — и работа, и должность, и достаток в доме, и может самый дом, и семья, и барахло, и машина, и все труды его тяжкие и иетяжкие, — все ухнет, как в прорву в загребущие чужие лапы; стоит только коготку увязнуть, а там всей птичке конец! Сама почва, земля заколышется и станет липнуть к ногам, как смола, и каждый шаг будет отдаваться болью во всем теле, и следы окрасятся в алый, смертельный цвет!

Ну, а вот если инспектор на Володькино счастье один? Вот что тогда?

Ну, если один, тогда...

Сагни заслонил глаза ладонью.

— Гаси свет, служба. И так все разглядел!

Инспектор засмеялся.

— Это верно, граждане хапуги. Закон и в темноте далеко видит!

Он легко подвел свой катер к Володькиному глисеру и обмотал носовую цепь вокруг Сагинской банки. Фонарь погас. Володька зажмурился, торопясь быстрой привыкнуть к темноте.

Молодой Иван встал, надвинул на лоб форменную

фуражку и не торопясь вступил на борт схваченной на ночном грабеже разбойничьей посуды.

— Иван Сергеевич Никитин,— по форме представился он пойманным браконьерам и вежливо приложил ладонь к козырьку черной фуражки.

Инспектор был счастлив. Опять подлые грабители реки попались в его руки со всем букетом неопровержимых доказательств своего разбойного промысла.

Закон и справедливость были бы пустым набором слов, не осуществляйся они на деле с такой железной неизбежностью. Инспектор скользнул глазами по мокрым, туго набитым мешкам.

Сволочи, ведь там наверняка полно самок с икрой! Ведь какие тысячи убытку нанесены природе двумя шакалами, по ошибке получившими при рождении человеческое обличье. И не столько тысячи денег (черт бы с ними, с темн деньгами; бумаги пока в стране хватает на эти дела; понадобится, так цветастых бумажек еще напечатают),— а вот жизни? Тысячи жизней,— еще не рожденных, еще не проявивших себя в этом прекрасном мире ни движением могучих плавников, ни веселым прыжком поверх родной стихии,— многие тысячи жизней были беспощадно оборваны, убиты, задушены в вонючей тесноте воровских мешков.

Струн теплой воды мирно обтекали палаческую лодку; лягушки глухо квакали на Волчьем острове,— нет, не струн то были, а слезы; горькие слезы беззащитной реки,— нет, не кваканье то было, а реквием по убитым; слезы общей нашей матери природы и смертные стоны ее.

И Иван Никитин ожесточился сердцем к разрушителям жизни, попавшим в его законную власть.

— Вы задержаны,— сказал он.— А так же и катер, и орудия незаконного лова. Сейчас поедем прямо в прокуратуру. Пора очистить Акдарью от воров.

Володька открыл остро заблестевшие в темноте глаза. Легкий утренний ветерок разогнал остатки туч. Начало светать.

— Пора очистить, пора очистить...— неотвязно билось в его голове последние Ивановы слова.— Пора...

Инспектор был один!

Сердце Сагнна испуганно и больно толкнулось в грудь; предчувствие неизбежного действия разлилось

бледностью по щекам, но Володька жестко стиснул за каменевшие челюсти.

Между черным, бездонным провалом, в который он сейчас заглянул, и его дальнейшей, еще более блестящей будущностью, стояло крошечное препятствие. И какое это было в сущности препятствие. Не препятствие, а так себе,— мелкий, невидный пустяк: никому ни за чем не нужная коротенькая жизньшка глупого молодого Ивана, еще не успевшего толком нюхнуть снть пороха. Дороже его жизнь стояла сазаньей, что ли?

— Заводите мотор,— приказал лейтенант примолкшим браконьерам.

Володька прищурил глаза. Радужные круги от нестерпимого инспекторского фонаря совсем прошли. Теперь он видел не хуже, чем днем. Легкий холодок незаметно нарастал внутри Володькиного желудка.

Сашка заканючил от мешков с рыбой.

— Да ладно, да чего там! Что ты на нас взъелся? Возьми, сколько положено, да отстань! Сам живешь, так и другим дай жнть.

Инспектор обрезал его, как ножом:

— Не дам!

Володька только усмехнулся.

— Ну шурьяк, ну мыло, нашел кого уламывать. Нет, с молодым Иваном пустая болтовня не пролезала. У него не выпросишь. С им надо капитально решать.

И Сагин покорился неизбежному.

Он не спеша наклонился к алюминниевому борту. Там, под выгибом металлического профиля, было пристегнуто двумя пружинистыми лапами короткое алюминниевое весло. За последний год и попользоваться-то им ни разу не пришлось,— слава богу мотор работал, как часы,— а вот сегодня пришло, видно, его время.

Одним движением Володька вывернул весло из лап, и, распрямившись, сходу рубанул им вперед, целясь в инспекторскую голову. Катер от резкого движения качнулся под ногами, и лопасть весла, скользя по щеке, разорвала Иваново ухо.

В следующую минуту в пляшущем глассере завязалась смертельная схватка. Володька, ухватив пятерней молодого Ивана за грудки, рубил его ребром весла, стараясь угодить по голове. Не давала толком попасть разделявшая его с инспектором банка сиденья да вы-

метнутые вверх руки лейтенанта, отбивающего весло.

Саша, ошалевший от неожиданного поворота дела, сунулся в середину. Пытаясь помочь Сагину, он схватил инспектора за руку, но споткнулся о рыбий мешок и неожиданно втиснулся между Иваном и Володькой.

Дико хекнув, Володька рубанул в мелькнувшее перед ним лицо. Сашка взвыл страшным голосом. Этот удар достался ему. Инспектор наконец вырвался из Володькиной удержки, поймав Сашку за полосатую тельняшку, закрылся им от смертельной лопастки. Загрещала крепкая материя. Сашка из всех сил рвался из инспекторского захвата, а Володька, бешено стиснув зубы и остекленев взглядом, рубил и рубил ребром весла мечущееся перед ним человеческое мясо.

После каждого его удара дурным голосом ревел очумевший от боли шурьяк:

— Ой, не надо! Ой, не бей! Ой, Володечка, не убивай! Ой, больно!

Наконец Сашка взвыл уж совсем смертным воплем и рванулся так, что тельняшка не выдержала и с хрустом разорвалась до пояса. Сашка полетел на дно катера, инспектор за борт. Володька кинулся к воде и успел еще раз достать молодого Ивана веслом, прежде чем тот нырнул.

В корме глиссера, обхватив руками голову и захлебываясь слезами, причитал Сашка:

— Ой, убил! Ой, мамочка родная, ой, насмерть убил!

Он провел ладонями по растерзанной физиономии и, поднеся к глазам окровавленные руки, заорал на половину реки:

— Кровь же, кровь! Гляди, шурьяк, гляди,— кровь!

Сашка совал под нос Володьке мокрые красные ладони:

— За что же ты меня так, братка?! Ведь убил!

— Заткнись, дурак!— бешено оттолкнул его Володька. Он напряженно вглядывался в забортную воду.

— Уйдет, уйдет,— пугливо отдавалось в Сагинском мозгу.

В десяти метрах от катера вынырнула из воды черная тень. Тяжелыми, размашистыми саженками инспек-

тор медленно плыл вниз по течению. Видно было, как трудно ему держаться на воде.

— Врешь, не уйдешь! — плеснулась внутри Володьки сумасшедшая радость.

Он кинулся к штурвалу и включил двигатель. Рев мотора громом прокатился по сонной воде. Потревоженные внезапным шумом, на минуту притихли лягушки. Володька развернул катер чуть ли не на месте. Глссер, словно норовистый конь, встал на дыбы и прыгнул вперед. Охающий Сашка едва не выпал за борт.

Володька нацелил широкий, плоский нос катера в прыгающий на волне живой мяч. Инспектор, слышав нарастающий рев мотора, попытался было повернуть в сторону, но в этот момент тяжелая, длинная туша глссера накрыла его.

— Ах-х-х-х!!

Штурвал катера дернулся в Володькиных руках. Глссер на секунду приостановился. Рев мотора из басовито-звонкого тона перешел в натужный и мучительный. Слышно было, как туго, с усилием проворачивающийся винт рубил под водой неподатливую, тягучую массу.

Несколько мгновений продолжался утробный, низкий вой двигателя. Но вот вода позади катера забурлила и на поверхность стали вылетать выброшенные могучим усилием вращающихся ножевых лопастей лохмотья измочаленных тряпок и кровавые хлопья пены. Вода за кормой густо порозовела. Освобожденный из страшного плена винт разом набрал полные обороты. Двигок довольно завизжал, и катер рванулся вперед.

Сашка, зачарованно глядевший на клочья человеческого мяса, всплывающие в метре от его носа, ахнул и на четвереньках пополз вдоль борта.

Володька заложил широкий круг по реке и, сбавив обороты, подошел к месту злополучного зацепа сети. Он выключил двигатель, поймал багром треклятую сеть и несколькими ударами ножа перерезал ее по обе стороны зацепа. Двигаясь по шнуру, Сагин быстро выбрал береговую половину сети из воды, оторвал привязанный Сашкой конец от камышей и пошел по реке вслед за медленно плывущей по течению лодчонкой шурьяка.

Вторая половина обрезанной им снасти была привязана к корыту родственника.

Сагин покосился на шурьяка. Тот сидел у мешков с рыбой и, обратив отрешенное лицо в сторону, угрюмо молчал. Молчал и Володька. Он не стал тревожить Сашку. Первая в жизни «мокруха» трудно давалась. У Володьки у самого сейчас все внутри мелко дрожало. Пусть Сашка сам маленько оклемается, а потом и поговорить можно, что и как.

Пока Сагин выбирал береговую половину сети, шурьякова лодчонка далеко ушла вниз по течению. Догонять пришлось минут пяток. Наконец догнали.

Володька принятовил к глиссеру Сашкино корыто и начал выбирать сеть. Та шла из воды тяжело. Володька ругнулся:

— Да что там, рыбы полно, что ли? Вот не ко времени.

В глубине его мозга мелькнула было страшная догадка; руки на долю секунды ослабли, но Сагин переборол себя.

Отгнав ненужную мысль, он с удвоенной энергией взялся за сеть. Сашка сидел рядом, как остолбенелый.

— Спишь, что ли?— грубо окрикнул его Володька.— Помог бы хоты!

Сашка оборотил в его сторону измученное, оторопелое лицо. Володька глянул на шурьяка и с досадой отвернулся.

Сеть пошла легче. Легче, еще легче, и вот...

Сагина невольно отшатнуло от борта. Он не захотел даже и мысленно узнать то, что, застряв изломанными и вывернутыми руками в его удачливой капроновой ловушке, тихо покачивалось в трех метрах от борта. Отвернув голову и болезненно сморщившись, Володька на ощупь перерезал уловистую паутину. Последняя за сегодняшний день его добыча медленно отплыла от катера.

Скорчившийся у Володькиных ног Сашка хрипло завыв, не в силах отвести пьяного взгляда от медленно погружающегося в воду разлохмаченного мяса.

Назад шли молча. Солнце уже поднялось над дальним горизонтом. Утренний воздух ласковой свежестью обвеивал обветренные, опухшие лица.

Володька изредка косился на шурьяка. Тот сидел,

спотыкливый шаг. Сагин обрушился на шурьяка, как клин-баба на асфальт.

— Рр-р-раз!

Первый же удар положил родственника на землю. Володька, рыча, кинулся на поверженного шурьяка.

— На, гад! На, на! Сбежать вздумал?! В «меитовку» полетел? Заложить собрался? Я те побегаяю! На, на! Убью гада! Семь бед, один ответ!

Сашка только слабо вскрикивал под градом сыплющихся на него увесистых тумачков. Исаарапаниные руки пытались прикрыть побитую голову. Внезапно он замолчал и перестал сопротивляться. Руки его упали.

Володька невольно задержал в воздухе вскинутый со страшной силой кулак.

— Чего ты?

Сашка оборотил к нему залитое слезами и кровью, за одну ночь бестелесно исхудавшее лицо:

— Во-ло-дя! Что ж мы с тобой наделали, братка? А-а-а? Ведь мы же че-ло-ве-ка сказ-и-ли!!

Сагин, испуганно оглянувшись, зажал ладонью слюнявый, плачущий рот.

— Тише! Тише, говорю!

Он ослабил ладонь и, близко глядя в прыгающие Сашкины глаза, с огромной силой убеждения проговорил:

— Не было этого! Понял? Все забудь. Все тебе спьяну приснилось и привиделось. Не было этого. Ничего не было.

Сашка, жалко искривясь плачущим ртом, попытался заглянуть в лицо родственнику.

— Приснилось?— с сумасшедшей надеждой прошептал он.— Привиделось? Не было?

— Не было!— твердо ответил Володька, не отворачивая потного лица.— Ничего не было!

К восьми утра Сагин уже сидел в своем лакированном кабинете.

Раннее солнце заливало мир ласковым светом и теплотой. Хлопотливые воробьи чирикали под застрехой конторской крыши. Тишиной и спокойствием начинался новый день.

И только в Володькиной голове все еще продолжалась темная, кровавая ночь.

В конторском дворе посиживал на завалинке Сашка.

Он уже трижды совался будто бы по делу в Володькин кабинет, и на третий раз Сагин не выдержал преступного вида шурьяка.

— Катись на двор! Чего ты возле меня толчешься? Сядь на завалинку и носа на улицу не высовывай! Крутишься тут! Развесил сопли...

Такой жуткий страх плескался в Сашкиных глазах, такая виноватость струилась от всей его погнутой фигуры, что у Володьки вконец упало сердце.

— Продаст, гаденыш... Разом продаст. Все на морде написано. И надавить не успеют, как расколется.

Шурьяка следовало сбыть с рук незамедлительно. Убитый вид его неизбежно возбуждал самые тяжелые подозрения. Но удалять Сашку с глаз было не менее опасно, чем держать рядом. Никто не мог гарантировать, что так жидко обделавшийся ночью родственничек, оставшись без присмотра, не побежит с доносом. Страх мог толкнуть его на все, что угодно. Приходилось держать Сашку около себя и нет-нет да внушать ему, что все прошедшей ночью сотворенное есть видимость и сон.

Шурьяк по закоренелой привычке хотел было прибегнуть для смягчения нервов к старинному средству, но Володька вырвал из его дрожащих пальцев бутылку.

— Нашел время! Капли чтоб во рту не было.

И так у этого осла в голове было не шибко, а тут еще зальет водярой остатки опинок. А ну как тут вдруг какой спрос? Ляпнет спьяну одно глупое словечко — и каюк!

— Да, жидок, жидок оказался на расправу, на суровое мужское дело самый, почитай, ближний человек, милый родственничек!

Володька задним числом снова облился холодным потом, вспомнив утрешние, за Сашкой, догонялки. А вдруг не настиг бы он шурьяка? Куда бы тот побег? Ведь куда-то же он наострял лыжи? Вот и выходило, что в «ментовскую». Что ж после этого с ним делать?

Только одна и оставалась надежда, что инспектор не скоро всплывет, ну а к тому времени, как всплывет, шурьяк либо окончательно успокоится, либо...

Володька нахмурился.

... либо поплывет следом...

Сагин завозился на мягком кресле. Никак не удавалось сесть поудобнее. Томили душу две большие задачи, о которых Володька, как ни старался не думать, а ничего не получалось.

Он со вздохом полез в карман и достал маленькое, круглое зеркальце. В мутном стекле отразились знакомые бачки. С левой стороны, пониже курчавой поросли, на самом видном месте щеки багрово выделялась большущая ссадина. Ни замазать ее кремом, ни запудрить не удалось.

— Ай, как нехорошо,— в который уже раз подумал Володька.— Кабы не эта чепуха, насколько бы все проще было. Вот, скажем, вся морда у Сани побита. Мог же шурьяк, предположим, сам собой, один, ночью по реке прокатиться? Мог там на воде кой с кем с глазу на глаз потолковать? А Сагин в это самое время, допустим, в конторе спал, а? Мог же?

Мог, и еще как мог, будь у Володьки рожа чиста.

Трудновато было бы Сашке с «ментами» объясняться (нет, в случае чего, конечно), окажись Сагинская физиономия наутро нетронутым пасхальным яичком.

— Нехорошо,— снова вздохнул Володька, пряча зеркальце. Сосущая пустота повисла у него под ложечкой.

Все утро Сагин мыл глссер. Он прошелся тряпкой по широким алюминиевым бокам катера, потер весло, продраил речным песком и смоченной в бензине ветошью сверкающий острыми ребрами желтый винт. (Сагин невольно поморщился, припомнив, как с хлопом, завывая натуги, ревел двигатель глссера, когда ножевые лопасти винта рубили под водой кровавое месиво, бывшее за минуту перед тем человеком).

Потом Володька, скинув с себя все забрызганное кровью ночное тряпье, перевязал его обрывком бечевы и закинул аккуратный тючок с камнем посредине подале от берега. Шурьяку он велел сделать то же самое и вымыться мылом с головы до пят.

И вот тут только обнаружилось то, второе, что томило Сагина все утро. Володька кинулся к шурьяку с белыми от ярости глазами:

— Что же ты сразу не сказал, гад?

Сашка боком полез в воду, прикрывая руками голову.

— Я ж сам не увидел сразу,— плачущим голосом оправдывался он.— Только сейчас заметил.

Володька схватился за голову и начал раскачиваться, как помешанный. Поправить случая было нечем. Не вынать же инспектора из воды.

Выяснилось (как дошло дело до шурьякова купанья), что изрядный кусок полосатой Сашкиной форменки вырван в ночной драке и исчез неведомо куда.

— А ну покажи,— снова сунулся к шурьяку Володька.

Сашка робко пригладил на животе лохмотья расхристанной вдоль и поперек тельняшки.

Так и есть — половины плеча и левой груди неоставало.

На всей Акдарье, да и во всем городе, только и маячили две полосатые тряпки — одна на шурьяке, другая на Володьке. Город наизусть знал форменную майку Володьки. Краешек ее, с синей и белой полосками, годами выглядывал из расстегнутого ворота Сагинского кителя. Тельник сросся с Володькой, как кожа.

И вот хорошо, если злосчастный обрывок тряпки с морской зеброй лежит где-нибудь на глинистом дне Акдарьи, зацепившись за торчки разлапистой коряги, и холодная, донная вода заносит его пепельным, легким илом. Хорошо, коли так.

— А если не так? А если?..

Володька облился ледяным потом, представив себе заостенелую, мертво стиснутую руку утопленника, с зажатым в посинелых пальцах ужасающим вещдоком.

— Куда сразу кинутся опера, обнаружив столь прозрачную улику? Ясно, куда. Тут и думать было незачем, куда.

— А ведь на самом стрежне утоп молодой Иван,— с отчаянием подумал Сагин.— Километр вниз — и перекат. На середине течение здоровое. Вполне могло через полчаса вынести тело на меляк. И всегда рыбаков там полно. Самое любимое место удочников.

— Ой, ей, ей! — застонал он.

Теперь сыскарей можно было ждать в осводовском дворе в любую минуту. Тельник в руке, голова, порубленная винтом, обрывок сети, — семи пядей во лбу иметь незачем, чтоб сделать безошибочный вывод. А

там стояло только коготком увязнуть. Сядут на хвост, так рано или поздно, а все равно раскрутят.

— Да будь же ты проклят, паразит,— упавшим голосом припечатал родственника Володька.— Без ножа зарезал.

Сашка поднял на него мокрое от страха лицо.

— Может, сквозануть куда?— жалко пролепетал он.

Володька махнул рукой.

— Придумал. Глупее не мог?

Не хватало еще только безнадежным драпом открыто расписаться в содеянном. Оставалось лишь надеяться на фарт, на всегдашнюю свою удачу.

— Барахло все с себя утопи,— приказал он Сашке.— И от меня ни шагу!

И вот теперь шурьяк уныло обретался во дворе. Время тянулось тягуче и мучительно. Володька сжег за три часа чуть ли не пачку сигарет. Во рту стало, что у kota под хвостом.

В половине двенадцатого (Сагин машинально глянул на часы) зазвонил телефон. Володька вздрогнул. Словно током ударило в сердце.

— Не брать!

Но не брать было страшно,— а ну как что?

Только взять казалось еще страшней. Пока Сагин колебался, телефон умолк. Володька обессиленно уронил протянутую было к аппарату руку.

— Уфф! — выдохнул он. — Может, пронесет? Ведь сколько уже разов казалось, что все, кранты, жизнь кончена, но как-то же обходилось, проносило беду сто роной.

Еще через пять минут раздался новый звонок. Ватной рукой Володька взял трубку.

— Да,— прошептал он.— Сагин слушает.

На том конце провода молчали.

— Але, але!— разом вспотев, заторопился Володька.— Это кто говорит?

Короткие, отбойные гудки пришлись как раз на середину его вопроса. Там, далеко, кто-то невидимый молча положил трубку. Володька тихо охнул. Трубка выжала из его рук. Мгновенным, безошибочным прозрением смертельного страха понял Сагин все угрожающее значение молчаливого вызова.

— Проверяют, на месте ли,— сами собой выговорили его пересохшие губы.— Сейчас придут брать.

Оцепенев, смотрел Володька на слабо попискивающую эбонитовую вестницу своей гибели.

Бежать, бежать, скорей бежать!— воспалению бился краешек пылающего мозга, но все тело Володьки словно закаменело; он не мог пошевелить даже пальцем. Десяток решающих минут Сагии оставался недвижим.

Из столбняка его вывел звук подъехавшей к осводовским воротам машины. Милицейский газик остановился у сквозных, решетчатых ворот Сагинской конторы. Из машины вылезли двое в штатском и уверенно направились в калитку.

Сашка, сидевший на завалинке в двух шагах от ворот, замер. Из «газика» вылез еще один человек, уже в милицейской форме.

Увидев его, Сашка вскочил, затрясся и, заверещав, как заяц, неожиданно кинулся в калитку, навстречу входившим оперативникам. Ужас, охвативший его при виде милицейской формы, оказался так велик, что Сашка не заметил входящих на осводовский участок людей. Он врезался в «оперов», как торпеда в борт корабля.

Оперативники, похоже, опешили не меньше Сашки, но хватательный рефлекс сработал, как по нотам,— в следующее мгновение Сашкины руки были с хрустом завернуты за спину, а глупый, пустой лоб его плотно припечатан к земле.

— Не я убил, не я убил!— истошно закричал Сашка, выливая в яростном вопле весь свой пережитый ночью и накопившийся за день ужас.— Не я убил! Это все он, Володька! И веслом он бил, и винтом! Не я! Он меня заставил! Самого веслом порубил! Весло в сараюшке спрятал. Одежду свою утопил. Я вам все покажу! Я знаю, где!

Страшные эти крики отшвырнули Сагия от окна. Волосы поднялись на его голове.

— Все. Конец, — молнией мелькнула испуганная мысль.— Теперь не открутишься. «Вышка».

Он еще успел услышать, как перешел в стон боли дикий Сашкин крик (видио, крепко завел за затылок шурьякову руку сидевший на нем милиционер), и в наступившей, жуткой тишине, поверх утробного Сашкино-

го мычания легли (словно гвозди в Володькин гроб) простые и страшные в обнаженности своего неотрицаемого смысла слова:

— Дай «браслеты», сержант. Точно вычислено. Вот она, тельняшка. Я же говорил,— проверку с них надо начинать.

Тот, в форме, нагнувшись к машине, достал что-то блеснувшее и шустро шмыгнул в калитку.

Упоминание о тельняшке прострелило Володьку, как пуля.

... Словно с самого черного, илистого дна реки, высунулась поверх воды распухшая, утопая рука с зажатым в скрюченных пальцах обрывком полосатой материи, и через весь длинный дарьинский плес, и пристань, и ласковую прохладу кабинета потянулась она к Володькину горлу. Он схватился руками за шею, защищая ее от страшного видения.

А со двора снова долетело спокойное и невыносимое.

— Смотрите, чтоб второй не ушел. Сержант, вы к окну, а я в дверь. Лейтенант около задержанного. Всем приготовить оружие.

Володьку отшатило от окошка. Все дальнейшее происходило с ним, как во сне. То, что он совершал в ближайшие секунды, уже не зависело от его умственных усилий: безошибочный, изворотливейший инстинкт самосохранения повел его, как сомнамбулу, по самому краю разверзшейся у ног пропасти.

Ни секунды не раздумывая, Володька метнулся к шкафу, стоявшему в углу кабинета. Одним движением он выдернул из глубины внутреннего потая новенькую «тозовку», малокалиберную винтовку-магазинку на три патрона и бросился назад, к сейфу. Пачки с патронами хранились внутри железного ящика.

Но на ходу Сагин поймал краем глаза околыш милицмейской фуражки в метре от окна и понял, что достать патроны не успеет. Возиться с ключами было уже некогда.

В следующее мгновение ноги сами легко развернули его к противоположной от милиционера стене. Здесь, парное с «милицмейским», находилось второе окно кабинета, распаханное на полоску кукурузы, посаженную у конторской стены хозяйственным шурьяком.

Четыре сумасшедших биения сердца — и Володька, не потревожив по пути ни одного высокого, зеленого будыля, оказался у края посадки. В пяти шагах от него, вполоборота к Володьке стоял оперативник, с опущенным к земле пистолетом в руке; у его ног лежал одетый в железо шурьяк. За спиной «опера» светлел проем калитки.

Володька бросил косой взгляд в сторону покинутой им конторы. Милиционер в форме, вытянувшись гуском, снхлся заглянуть поверх занавесок в окно Сагинского кабинета. Второго оперативника не было видно.

— Уже зашел в контору. У тебя есть еще десять секунд, — выговорил кто-то чужой и властный внутри кипевшего Володькиного мозга. — Забор трехметровой высоты. Полезешь, — сразу засекут. Выход есть только один.

Сагин перехватил винтовку двумя руками — за цевье и за ложу. Он глубоко вздохнул и на секунду замер.

— Пошел! — последовала чужая команда.

Расстояние, отделявшее его от оперативника, Володька одолел так быстро, что даже привыкший к опасности, обученный рукопашному бою профессионал успел среагировать на возникшую угрозу только глазами. Зрачки его невольно дернулись в Володькину сторону, но мозг не успел отдать команды рукам.

— Хх-ха!

Володька ударил стволом винтовки, как штыком. Из развороченной щеки хлынула кровь. Оперативник отлетел в сторону и освободил проход.

Прямо за калиткой, через узкую асфальтовую полосу осведовской дороги начинались знаменитые, непросматриваемые и непроходимые Акдарьинские тугаи.

Пять секунд понадобились сбнтому с ног оперативнику, чтобы вскочить с земли и подбежать к решетчатым воротам, — эти пять секунд и спасли Сагину жизнь.

Запоздалые хлопки пистолетных выстрелов только подстегнули его бег.

Акдарья и на этот раз выручила своего одичалого сына.

Через четыре часа из густой щетины береговых тугаев напротив Волчьего острова выглянуло воспаленное, настороженное лицо. Обычного пешего хода досюда было около двух часов, но Володька долго петлял по хитрой сети арыков, проток и камышей. Он запутывал след на тот вероятный случай, если опомнившиеся «опера» ушло кинулись бы за ним с собакой.

— Всяко может быть. Лопухнулись раз, так это еще не значит, что будут лопушиться и дальше. Береженого бог бережет.

И Володька сделал не одну заячью петлю и выверт, прежде чем осмелился подобраться к заветному месту. Глаза его беспокойно ощупали окрестности реки.

Послеобеденная жара набрала свою полную силу. Казалось, сам воздух расплавился. Легкое прозрачное марево водяных испарений дрожало над рекой, и чуть колыхались, расплываясь в перегретом воздухе, низкие песчаные оконечности заросшего дикой джидой и камышами Волчьего острова.

Остров протянулся по реке на добрый километр. Верхний его конец, начинаясь пологой песчаной косой, через две сотни метров круто взмывал к небу; тут, на песчаных буграх, росли, кроме джиды, несколько карагачей и хилых акаций, бог весть когда и кем посаженных. За ними шел почти сплошной, без просветов, тугай, состоящий из густо переплетенных зарослей камыша, солодки, можжевельника, колючек и той же джиды. Нижний конец острова полого уходил в светлую акдарьинскую воду. За ним-то как раз и начиналась знаменитая глубиной и рыбою Киярская яма.

Место было самое дикое. На острове водились фазаны, а во времена незапамятные жил выводок волков, и давших острову его угрожающее название. Прошло время; волков перевели, но шакалы на острове еще водились.

Володька настороженно прислушивался. Пара крикв поднялась с плеса за островом и со свистом прошла над Володькиной головой. Селезень резал воздух, косо завалив одно крыло; утка шла следом идеальной спаркой. На той стороне вовсю заливались лягушки.

Сагин до рези в глазах вгляделся в свое предпола-

гаемое убежище. Исцарапанная колючками рука намертво сжала цевье вполне бесполезной винтовки. Если считать напрямик через главное русло Акдарьи, то до острова была какая-то сотня метров. Володька с хлопом выдохнул воздух. Вокруг него стояло нерушимое спокойствие.

— Давай!— приказал он себе.

Словно черная молния врезалась в воду. Володька перемахнул через русло за считанные минуты. До острова он добрался уже безоружным. Сагин и сам не понял, как малопулька выскользнула из руки. От уреза воды он достиг тугаев острова одним прыжком. Верхушки камышей на мгновение качнулись и снова замерли. Сагин углубился в заросли.

Хлюпали полные воды туфли, шуршал под ногами раскаленный песок, с облепившей тело мокрой одежды тянулись вниз струйки воды, мгновенно выпиваемые солнцем, колючие ветки царапали руки и лезли в глаза,— Сагин ни на что не обращал внимания.

— Скорее, скорее!— он торопился к хорошо известному ему заветному месту.

Крупная черная ящерица бросилась из-под его ног в заросли колючек. У Сагина на миг остановилось сердце. Он поднес было ладонь к побледневшим губам, но в следующую секунду отрицающе мотнул головой и упрямо пошел вперед, продираясь сквозь густые и колючие заросли.

Впереди засинел просвет. Володька отодвинул лезущую в лицо низкую ветку, шагнул вперед и огляделся. Да, это было то самое место. Он стоял на краю маленькой песчаной проплешины, затерянной среди плотной толчи больших камышовых кочек. Напротив него, на другом краю голого песчаного островка, торчал хилый ствол полусохшего карагача.

Володька повел глазами налево от дерева. Там, разросшись в рост человека, высилась огромная камышовая кочка. Рядом с ней присела ее подружка, чуть поменьше размером. Володька подошел к кочкам и устал опустился на горячий песок. От одежды шел пар.

— Хорошо было бы хоть несколько передохнуть.

Он прислонился спиной к большой кочке и закрыл воспаленные глаза.

Сидел сейчас Сагин не просто на рыжем песке посреди далекого Волчьего острова; сидел он, считай, на собственной своей жизни, вернее на дальнейшем, будущем ее продолжении. Там, внизу, на метровой песчаной глубине, прямо под мокрым Володькиным сидалищем, надежно укрытое от чужих недобрых и завистливых глаз — покоилось «нечто».

Это «нечто» и послужило тем самым могучим импульсом, толкнувшим сегодня Володьку в штыковую атаку на народную власть. Не будь в дальнем, секретном уголке его памяти постоянной, тихой мысли о свертке, зарытом в песке Волчьего острова, Сагин попросту поднял бы вверх руки и сдался.

Володька удовлетворенно засопел.

...Встал перед его прикрытыми усталыми глазами тихий воскресный вечер, примерно об эту же пору год назад, внимательно-ласковый Люськин взгляд (Сагин невольно всхлипнул: как ты там, родненькая?), сладкий семейный уют вылизанной женой до операционного блеска гостиной, зеркальная прохлада журнального столика и небрежно брошенные Володькой на лаковую поверхность две сиреневые пачки бумаги, оклеенные перекрестными полосками.

— Смертные мои,— объяснил тогда Сагин в ответ на молчаливый Люськин вопрос.— На самый крайняк. Случится, коли прижмут так, что в бега придется подаваться, так с их завсегда заново встану. Эти «бабки» святые. Их спрятать и забыть, где лежат.

Люська небрежно повела круглым плечом.

— Святые, так святые. Где прятать будем?

Голос жены звучал деловито и незаинтересованно, но какая-то неясная нотка в ее интонации заставила Володьку переменить первоначальное решение.

— Я сам спрячу, где надо,— ответил он.— Потом скажу, где. Ты сейчас упакуй, как следует. В пакет полиэтиленовый положи, а сверху тряпкой оберни.

Володька кивнул на стоящую на столике рядом с деньгами стеклянную банку с пластиковой крышкой.

— Сюда заложу и зарюю.

Люська обидчиво поджала губы и, казалось, на секунду задумалась. Потом она поднялась и прошла на кухню.

Володька устало опустился в кресло. Конечно, он на

все сто доверял жене, но лучше все-таки было, чтоб Люська упаковала деньги при нем. Пять «косых»,— это вам не пети-мети, а куда как хороший кусок мяса. На эдакой сумме и не такие люди, как Люська, ломались. Показывать жене место, где он зароет банку с деньгами, Володька решил погодить.

— Скажу просто на Волчьем, мол, острове,— подумал он.— А покажу, мол, потом, где. Чтоб не обижалась.

Люська пришла с кухни, неся в руках разрисованный заграничными мордами пластиковый пакет и кусок чистой тряпки. Она села на диван у трюмо и, порывшись в гуде коробочек с духами и мазями, достала иголку.

— Заодно и обошью,— обратилась она к Володьке,— как посылку. Чтоб надежней было.

Володька кивнул и довольно прижмурил глаза, утывая спиной в податливом поролоне кресла.

— Ох, и домовитая баба,— подумал он разнеженно.— Не то, что другие. Тем все бы широм-пыром, абы как. А у моей полушка с рук не выскочит. Золото, а не жена.

Люська взяла со стола пачки двадцатипятирублевых: руки ее весело замелькали в прохладной полутьме комнаты. Забегала игла.

— Вправо, влево, вбок; вбок, вправо влево,— еще плотнее!

Сверточек вышел на диво аккуратен. Люська в последний раз провела по свертку ладонью, потуже натягивая материю, и смахнула со лба мелкие бисеринки пота.

— Чего это тебя так разжарило?— удивился Володька.— Кондиционер же всю пашет. Аж знобко, а ты в поту. Не заболела ли случаем?

Жена слабо улыбнулась и отрицательно покачала головой.

— Мастерица, — лениво подумал Володька.— Все так и горит в руках.

Люська взяла со стола стеклянную банку и, высоко подняв над головой готовый пакет, бросила его внутрь стекла.

— Гляди сам, Фома неверный,— со смехом сказала

она, защелкнув тугую крышку.— А то как бы не обжулгли тебя на пятерку!

Сагин усмешился. Жена явно продемонстрировала ему некую обиду.

— Я «бабки» эти на Волчьем острове притырю,— сказал он примирительно.— Есть там одно надежное местечко. Потом съездим вместе,— покажу.

— Больно нужно!— отозвалась жена, вздернув нос.— Делать мне что ли нечего, чтоб по твоим островам шататься? Мне без интересу.

Володька взял банку и, потоптавшись у порога, вышел. Он чувствовал некоторую свою виноватость. Все ж таки своя, законная баба. Неловко получилось. Вроде как бы не доверил ей Володька смертные свои.

— Сережки куплю,— пробурчал он под нос, направляясь к гаражу.— Мне для Люськи денег не жалко. А только эти кровные, святые. А ну как прижмет под горло? Ничего. Подуется, да забудет. Ей и так выше головы.

Сагин почесал в затылке.

— Теперь, считай неделю вместе спать не допустит. Будет форс давить. Наказывать.

— Ладно,— решил он,— пока и сам лезть к бабе не буду; вот куплю сережки и тогда...

Володька облизнулся.

— Бабы, они и есть бабы. Что с них взять?

...Затрещал над самым ухом сорокопут, и Сагин проснулся. Дикими глазами он огляделся вокруг.

— Заснул?! Сколько же я спал?

Володька глянул на часы. Часы стояли. Одежда была сухой. Солице клонилось к закату.

— Вот это кемарнул,— испуганно подумал Володька.— Часа три оторвал, не меньше. Ну и дурак. Бери, кто хочешь, голыми руками. Видишь ли, начальник ОСВОДа отдохнуть устроился. Все равно как дома на диване.

— Да,— огорченно вздохнул он,— нет у меня больше ни дома, ни дивана и, пожалуй, долго еще не будет.

Однако следовало поспешать. Пока он дрых, как последний цуцик, время работало против Володьки. Почти полдня прошло с той минуты, как во двор его конторы зашли двое плечистых ребят в штатском. Гро-

моздкий маховик розыска, конечно, уже был раскручен.

Володька представил себе, как трещат телетайпы, передавая во все концы страны мельчайшие о Сагине подробности и сведения, как заливаются телефонные звонки в прокурорских милицеских кабинетах и опорных пунктах охраны порядка, как патрульные «газкн», шныряя по улицам, то и дело рапортуют невидимому начальству, что, мол, нет, не наткнулись они пока ни в каком неприметном закоулке на убийцу и побегушника Сагина, как растягиваются по всей стране огромные крылья заведенного на него частого бредня всесоюзного розыска,— представил, и холодный пот прошиб раскаленную солнцем и думами Володькнну черепушку.

Каждая уже потерянная им минута грозила обернуться еще одной парой науськаинных на сагинскую фотку глаз, и Володька с ужасом ощутил всю страшную безысходность собственного положения. Руки его невольно затряслись.

— Ничего, ничего,— пробормотал он, сглатывая подступивший к горлу тошнотворный комок.— И «менты» люди. И они не без дырок в головах. Кабы всех сразу ловили, так сами бы давно без работы остались. Ничего. Самое главное деньги есть. Выкручусь. Другое дело, если бы голяк за душой. Тогда на первом шаге сцапают. Да и куда шагнешь? Ничему весь мир враг. А так отсижусь годок, другой в тихом местечке, все, глядишь, и притихнет. Оно ведь только первую неделю шибко ловят, а дальше уж не те сети в ход идут. Дальше ячея покрупнее, можно и проскользнуть. Потом построю новые бумаги, ну а там видно будет...

Покамест дальше первоначального укрыва от сыскарей Володькины мечты не заходили.

— Этого бы не сглазить! Тьфу, тьфу!

Он поднялся и сунул руку в середину большой камышовой кочки. Секуида, и рука вынырнула наружу с короткой, саперной лопаткой. Ручка лопатки была вычищена дождями и солнцем добела, лезвие изрядно поржавело. Володька довольно хмыкнул. Все шло, как и было задумано еще почитай год назад. Он немного успокоился. Хорошо, видно, все же варила малограмотная сагинская голова.

Песок легко поддавался лопате. Тихо шепча про

себя что-то успокоительное, Володька отгребал его в сторону. Вот металл звонко чиркнул по стеклу, и сердце Сагина радостно подпрыгнуло:

— Есть!

Через минуту заветная банка была у него в руках. Володька оглядел ее сумасшедшими глазами и быстро сдернул крышку. От свертка внутри пахнуло затхлостью. Володька вытащил пакет, оглядел его и совсем успокоился. Он узнал даже Люськины перекрестные стежки на тряпке.

Вновь теплое чувство к жене поднялось в его душе.

— Постаралась когда-то. Как знала, что придет проклятое времечко, когда ее Володьку будут гонять по свету, как бешеную собаку, и негде станет ему приклонить свою бедную головушку. Вот, считай, спасла. Как она там сейчас? Чай, грызут ее «менты» вдоль и поперек, прессуют и давят,— мол, отдай мужика, а не то и тебе каюк, да только нет, не на ту нарвались, Володькина баба мужа не заложит за дешевый «ментовский» посул.

— Ничего, придет времечко, вызволю я тебя из чужих когтей,— со слезами в горле подумал Володька.— Еще поживем мы с тобой, женушка моя, еще помилуемся на широкой постельке. Володька твой и в воде не тонет, и в огне не горит. Свою линию в жизни я все равно выправлю. Не горюй, Люська, еще свидимся!

Затрещали под пальцами гнилые, созревшие нитки. Володька быстро сдернул тряпку с цветастого, пластикового пакета. Он развернул ухоронку, полез внутрь и достал из самой недры, своего смертногоклада плоскую картонную коробку одеколона «Сирень».

Несколько мгновений, ничего не понимая, Володька тупо смотрел на коробку.

— А деньги где?— машинально пробормотал он.

Наконец онемевшие пальцы Сагина зашевелились; верхушка коробочки отлетела в сторону, и Володька потрясенно уставился на веселый желтый флакончик, торчащий из крохотной атласной постели.

— А-а-а!— полетел через секунду над островом дикий, задыхающийся вопль.— Подменила! Огра-би-ла! Про-да-ла! Люська, кур-р-ва, отдай деньги, убью-ю-ю!!

К одиннадцати ночь разлила чернила по земле. Городок уснул.

Лишь необычайно взволнованная милицейская служба патрулировала улицы с небывалой энергией, — шутка сказать, — преступник убил человека, покусился на жизнь и здоровье оперативного работника УГРО, да к тому же еще был до зубов вооружен. Как тут было не взволноваться? Поймавшему Володьку железно маячила очередная звездочка на погоны; впрочем, и обжечься об Сагина было тоже довольно легко.

Две засады дожидали Володькиного ночного визита. Одна притаилась во дворе его, теперь уже бывшей, конторы; другая терпеливо покуривала в винограднике Сагинского дома. Наутро планировалось главное розыскное мероприятие, буде преступник не нарвется на засаду.

Сквозь огромное полотнище темноты мутно просвечивали кое-где редкие, уличные фонари, да бросали резкие пригоршни света окна городского ресторана. За ними наяривал джаз, лилась водка, и осоловевшие от разгула клиенты провожали масляными глазами задастых официанток.

Минуто назад Сагин залег за низким заборчиком поликлиники, расположенной через улицу от ресторана. Позади его поднималась высокая, чуть ли не по грудь, живая изгородь; узкое пространство между ней и тумбами решетчатого забора сплошь заросло травой. Володька втиснулся в щель с большой натугой, но зато сквозной забор поликлиники позволял ему хорошо просматривать и сам ресторан, и все подступы к нему.

После страшного удара, постигшего его днем, Володька на время повредился в уме. Все его мыслительные способности жалко упали; мозговые внутренности превратились в крошево и труху.

Он плохо помнил, что делал весь вечер. Кажется, бродил по прибрежной окоемке острова, заглядывал в воду и, пугаясь страшного, нечеловеческого лица, глядящего на него из глубины реки, снова бросался в колючие заросли. Потом он пробовал опять копать свою ухоронку; выворотил наружу целую гору песка, но ни до

чего больше не докопался и бросил бессмысленное занятие.

Было просто чудом, что его за это время не высмотрел и не уловил какой-нибудь случайный рыбак.

Володька смутно помнил, что он пытался рыть песок еще в двух, трех местах; потом долгие часы бесцельно гладил негнушимися пальцами шершавую картонную поверхность подsunутого Люськой муляжа, куклы его сокровищ; плакал тяжелыми слепыми слезами и жаловался на горькую обиду неведомо кому, выборматывая предчувствуемое томление.

Маленько отошел он только к сумеркам. Отчаяние, выбившее почву из-под его ног, слегка притупилось, и Володька начал туго, со скрипом осознать свое незавидное положение.

Деваться ему было решительно некуда; пропажа денег лишила Сагнна малейшей надежды на спасение, малейшей возможности переждать первое, самое опасное время, когда уголовка шла по горячим, по дымящимся его следам. Пересидеть, перележать, перебыть где-нибудь в потаенном, укромном уголке эту грозную видимую опасность, могли помочь только деньги, много денег, а вот их-то как раз и не было теперь у Володьки.

Разом рухнули все его великолепно продуманные, рассчитанные на годы вперед, почти что гениальные планы, что, мол, в случае чего, сразу мотануть в Казахстан, в позабытый богом и людьми отдаленный сельский район, куда-нибудь к предгорьям Ала-тау (само это название — Ала-тау — звучало, как восточная сказка, как отрицание любой официальной, европейской власти; ну были там, конечно, какие-нибудь свои местные, крохотные царики; ну уж с теми бы Володька всегда нашел общий язык), а дальше тихо-тихо купить у первого встреченного «бухарика» чистые бумаги и по возможности, слегка изменив внешность, отсидеться пару лет в сторожах копеечного колхозного склада, или махнуть в другие широты и раствориться там в серой массе вербованных на далекий северный лесоповал сезонников.

— Да мало ли было дорог беглому человеку в такой громадной машине, как родная страна?

Республики, области, края, районы; сам черт не разобрался бы в этом административном винегрете, и

езде процветали свои особые порядки, законы и обычаи; расстояния считались сотнями и тысячами километров, и плевое дело было затеряться маленькому человеку в этом бурлящем людском котле...

Словно белки, бегающие по кругу, Володькины мысли опять возвратились к деньгам. Ведь они были главным условием спасения. Деньги решили бы все: и возможность обзавестись, какими душа пожелает, бумагами, и возможность свободного передвижения на большие, немерянные расстояния, подальше от проклятой речки, пожравшей Володькину жизнь и удачу, и возможность укрыва в глухой таежной берлоге,— змийнике, летнике,— да просто займке, избушке в непроходимых, зауральских таежных местах.

Украденные деньги, больше чем жизнь отняла жена у Володьки: она отняла надежду.

Выдержать удар такой разрушительной силы и не сломаться окончательно помог Володьке никогда не покидавший его инстинкт жизни. Много было опасных рифов и коварных водоворотов в его предыдущем плавании, и все их прошел Сагин благополучно; вот и сейчас никак не верилось ему, что наступило время подвести окончательный расчет с жизнью.

— Нет,— пробормотал он, стиснув зубы, — нет, не дамся!

Сильно пошатнулся Володька, смертно пошатнулся, но устоял.

В подвале его дома, в самом дальнем углу, за стеллажами с разным рыбацким инвентарем была вмурована в потайную нишу кофейная банка с тысячью рублей. О банке не знал никто. Вмуровал Володька банку еще при строительстве дома, в первый год своей лаковой семейной жизни, когда дни его цвели и растились широким, новобрачным одеялом.

Думалось тогда,— на зубок первенцу; пусть пожелит подарок до Люськиных родов. На кого грешить, на себя ли, на жену, а только икра в Люське не завелась; вот и пришлось замурованное призабыть.

И только теперь, на острове, Володька о том тайнике вспомнил. Однако одному добыть банку было совершенно немыслимо и невозможно. Сагин хорошо знал «ментовские» ухватки,— в сейчасную минуту дом его представлял собой мышеловку, настороженную на Во-

лодку и готовую немедленно захлопнуться, буде он сунет внутрь глупый нос. Зайти на собственное подворье было все равно, что сбегать повальсировать на минное поле. Страху много, а радости чуть.

Выход был только один. Следовало словить жену и выбить, выдавить из нее сколько возможно денег, хотя на самое первое время, хоть на побег, хоть эту замуравленную в стене «косуху». Сберкижечные запасы все, конечно, пропали, к ним нечего было и думать подступиться; на Люськину сберкижку Сагин и в хорошее то время замахиуться не осмеливался (хотя каждая копейка, на ней лежащая, была добыта Володькиной рукой), но вот подвальную байку-то?

Контакт с Люськой был крайне опасен, но другого ничего не оставалось. Конечно, жена, таким хитрым и подлым манером выудившая (буквально на глазах у Сагина; то-то пот ее прошибал под холодным ветерком) смертный Володькин притай, вряд ли для его спасения охотно рассталась бы хоть с одним рублем. Что ей теперь Володькина судьба? С ее нынешними жирными запасами, урваными подлянкой, можно было занять у белых ног десяток таких Сагиных; только помани пальцем,— но Володька все же надеялся, что Люська сейчас пока сыта и не станет своими руками закапывать его в землю, отдаст хоть часть денег, хоть пригоршню из золотого дождя, пролитого Сагиным на ее пышные плечи.

Надо было как-то выволочь ее из дому на несколько минут, чтобы перетолковать с глазу на глаз. Сагин не собирался сводить никаких счетов: прошло и отрезало, не до счетов сейчас. Вот если бы Люська отказалась ему помочь, вот тогда другое дело, тогда, конечно иного пути не оставалось, как порешить клятую сучку, но Володька надеялся, что жена и сама все это прекрасно понимает и не станет доводить его до крайности.

— Как же добыть жену? Кого за ней послать, к кому сунуться с таким аховым порученьцем?

Володька лихорадочно перебрал в уме знакомых.

По его нынешнему положению, все они неизбежно оказывались бывшими знакомыми. Посылать за женой было решительно некого. Гореть приходилось в одиночку. Невольно припомнились Володьке бессильные угрозы старого рыбиинспектора, — жизнь действительно

оказывалась длинной даже и на коротком своем промежутке.

Володька снова начал мучительно припоминать корешей. Нет, все знакомые выходили такне, что самних пасти следовало, чтоб не вложили. «С «мокрушннком» в «подельнннкн» идти — вряд ли нашлось бы много желающих. Володька совсем было отчаялся.

— К тому нельзя обратиться, и к тому нельзя, а этот сам сцапает да в уголовку отволокет. Да как же быть? Неужто совсем не к кому толкнуться?..

— Хотя стоп, стоп,— а Нелька-то?

С робко разгорающейся надеждой Володька поразмыслил о деловой бабенке из «Зарафшана», — да, пожалуй, Нелька, как раз подходила для его задумки.

— Пообещать ей сотнягу-две,— лихорадочно подумал Сагин,— неужто такая прорва не покусится? Да ведь она за рубль в огонь шагнет глазом не моргнувши. Что ей стоит добежать до Люськи, передать словечко? Ничего не стоит. Всего н делов на пять мннут. И в случае чего, шутя отопрется. А такой посул, как мой, на земле не валяется. Как край можно потом н не отдавать «бабки», лишь бы только дело сделала, а там катись на все четыре стороны. К «ментам» же жаловаться не побежит!

Да, Нелька подходила. Стервочка шустрая, поннмает с полуслова. Закладывать Володьку причин у нее нет, а подзаработать кто откажется?

... И вот Сагин лежал напротив ресторана, в своем ненадежном укрытии, терпеливо н опасливо поджидая конца общепитовского балдежа. В двенадцать «Зарафшан» закрывался. Время было подходящее.

Пробираясь по темному городу к месту своей будущей засады, Володька дважды натыкался на патрульные джипы. Пришлось хорониться от загонщиков в чужих полисадниках. Опасность шла по пятам н поджидала Сагинна на каждом перекрестке,— словно чуяли «менты», что он крутнется где-то неподалеку от настороженных ловушек. Но пока бог мнловал, а если бог «за», то кто «против»?

Теперь надо было нсхитрнться незаметно перехватить веселую офицнантку на ее дороге домой.

— Только бы не цапнул ее кто на ночь, только бы

не цапнул!— молил судьбу Володька.— Не сегодня, ну не сегодня! Ну хоть раз пусть мне повезет.

И ему повезло. Видно, открылась на мгновение в черной стене его судьбы крохотная счастливая форточка, и даже не форточка, а так себе,— шелка, и Володька быстрой мышью прошмыгнул в долгожданный просвет.

В шумной, пьяной толпе, долго не расходившейся от «Зарафшана», Сагин с ходу заметил отбивающуюся от настойчивого кавалера Нельку. Ухажор был так хорош, что его приходилось удерживать на вертикали двоим друзьям. Впрочем, мелкое это обстоятельство несколько не охлаждало могучего любовного пыла— мужик страшной силой рвался доказать официантке поразившее его высокое чувство.

— Нет, нет, мальчики, не могу. В другой раз.

Мальчикам не понравилась Нелькина несговорчивость. Густой мат повис в воздухе. Официантка и тут не уступила. Ответный залп оказался не слабее приветного.

Володька дернул головой.

— Так их, так их,— с надеждой прошептал он.— Все никак не нажмутся. Все никак не нагуляются.

Наконец толпа растеклась на отдельные струйки и начала понемногу рассасываться. Нелька, бросив на прощанье настырному ухажору еще пару ласковых слов, шустро застучала каблуками по улице.

Володька выждал, пока она скроется за старыми платанами на углу квартала, и в несколько сумасшедших прыжков догнал официантку.

Тусклый лунный диск рассеивал неверные тени. Вдали пел сверчок.

— погоди, подружка,— хрипло выдохнул Володька.

Нелька несколько не испугалась и отозвалась ему так, словно рассталась с Сагиным минуту назад.

— Чего тебе, Володя?

Володька приободрился. Начало было хорошее.

— На два слова, Неля. Разговор есть. Дело.

Нелька, казалось, заколебалась. Но вот она лихо тряхнула роскошной белой гривой, и в голосе ее послышалась привычная усмешечка.

— Дело, говоришь? А я думала, все твои дела теперь у прокурора?

Володька, услышав знакомую смешинку, совсем повеселел.

— Все, да не все,— отпарировал он.— Кой-что и про запас осталось.

— Ты говори, Володя, говори свое дело,— ласково пропела Нелька,— а то неровен час, «менты» наедут и досказать не дадут. Да и вообще, время на дворе уже позднее, а сам знаешь, одинокой женщине лучше ночью в постельке лежать, чем по улицам, за чужими делами шалаться.

— Надо сходить к моей бабе и два слова ей передать,— прохрипел Володька.— Не за так конечно.

Нелька усмехнулась.

— Ну и что я с этого буду иметь, кроме неприятностей?— вкрадчиво спросила она.— Ты говори, говори, Володя.

— Две сотни из рук в руки,— сразу взвинтил цену Сагин.

Сильно отдавала нехорошим запашком медовая ласковость в Нелькином певучем голосишке.

— Сейчас отдашь или потом?— снова пропела Нелька.

— Сделаешь и получишь,— буркнул Володька.— А то не знаешь Освода? За мной когда пропадало?

Нелька ласково коснулась Сагинского плеча.

— За тобой, Володя, нынче все пропало. Веслом, говорят, стал ты неаккуратно орудовать, а к неаккуратному человеку какая надежда?

Володька схватил официантку за руку.

— Шуткуешь, стерва?!— бешено прошипел он.— С огнем играешь?

— Ой, что ты, Вова, что ты?— заюлила Нелька.— Я ведь к тому сказала, что некому твое словечко передавать. Жена-то твоя сегодня смылась.

— Куда?— ахнул Сагин.

— Да, говорят, на курорт укатила. За час собралась, дом замкнула, шмыг на такси и поминай, как звали.

— Откуда знаешь?— выдохнул потрясенный Володька.

— Да ужинали у нас нынче оперушники,— отозвалась официантка.— Болтали всякое. Вроде, как узнала Люська, что ты рыбнадзора пришил и в бега подался,

так сказу и сказала: «Дом мой, машина моя, все бумаги на меня оформлены, и я всему законная хозяйка. Дел мужниных никаких не знаю и в дом никого не пушу. Надо вам его изловить, так караульте во дворе, а я, как женщина больная и шибко нервная, всяких ужасов боюсь и лучше на морском побережье ваши дела перебуду. Вот изловите убийцу, тогда и вернусь».

— Вот стерва,— пробормотал Володька.

Нелька наклонилась к его уху.

— Говорят, все допытывала, точно ли тебе «вышка» будет или сроком отделаешься...

— Ну?— выдохнул Володька.

— А как услышала, что, мол, какой срок?— вторая судимость, да «мокруха», да нападение, да побег, не говоря уже о прочем — дело ясное, за ним уже пуля вдогон полетела, то такая довольная стала, сразу повеселела и говорит: «Туда ему и дорога. Я от него за эти годы так натерпелась, что мочи нет. Быстрее бы сцапали».

— Та-а-ак,— потянул Сагин.— Понятненько.

Он на секунду задумался.

— Вот это вклала, так вклала любимая женушка. Союз большой, где ее теперь сыщешь? Поворотлива оказалась подруга жизни.

Володька снова обернулся к официантке. Та переминалась с ноги на ногу.

— Слушай, Нелька,— вкрадчиво сказал Володька.— Сама видишь, как эта сучка меня прокатила. Ну да ничего, я еще не весь спекся. Тут неподалеку, за Андарманом (он назвал наугад первый большой город в двухстах километрах от Байабада), у меня захоронка есть. Двадцать тысяч. Только добраться надо. А тут видишь, какое дело? Через эту подлюку я сейчас весь без «копья». Ты бы мне вынесла сотен пять—шесть, выручила на время, чтоб только одежонку сменить, да до места добраться, как-нито, а там бы я тебе телеграфом назад «кусочек» отдал. За доброе-то дело. А?

Нелька всполошенно заворошилась.

— Что ты, что ты, Володя?— льстиво заметалась она.— У меня откуда? Какие там сотни? Только и есть, что на себе, да пятерка в сумочке. Сам знаешь, какая у меня зарплата, только-только дотянуть от аванса до получки, а от получки до аванса. А работа какая? Весь

день на ногах: подай — принеси, да еще каждый норovit обжулить. А мне и одеться надо, и опять же причесаться. Где какая копейка перепадет, так тут же улывет, что вода меж пальцев.

Сагин сжал ее руку.

— «Косуху» отдарю, две, — прохрипел он в отчаяньи, — три! Только помоги, стерва! Жизнь же решается!

Нелька взвизгнула.

— Ой, больно! Что ты мне руку-то ломаешь, Осводишка проклятый?! Какие тебе еще деньги? Я тебе что, должна? Иди своей толстомясой руки выкручивай! Как золотом увешивать да по курортам катать, так законная супружница есть, а как под дых подперло, так Нелечка выручай, денег давай?! А ты мне их приносил? А как они мне достаются, знаешь? Где ты был, когда я с ребенком на руках по улицам мыкалась и криком кричала? В упор тогда Нелечку не замечал? А теперь нужна я тебе стала? Накось вот, выкуси! — и она сунула под нос Сагину плотную дулю.

— Тише, стерва! — прорычал Володька, не отпуская ее руки. — Я ведь по-хорошему прошу, без обмана: каждый твой рубль червонцем обернется! Что же тебе еще надо?

Нелька перевела дух.

— Не на ту нарвался, гнилушка, — с презрением отрезала она. — Лапшу на уши другим вешай, а я видела виды. Тоже мне сказочник, «гонит» тут, — за Андарманом, двадцать «косых»... Да будь у тебя там хоть сто рублей, так только бы тебя тут и видели: голый и босый, на карачках бы дополз. Я ли тебя не знаю? Ты и мечешься-то здесь потому, что сквозь пустой и деваться тебе некуда. Уделала тебя дорогая супружница, вчистую, всего как есть уделала. Так тебе, ослу, и надо. Будешь знать, кому деньги волочить.

Она с неожиданной силой вырвалась из Володькиных рук.

— Пусти, клещ, чего вцепился?

— Заколю! — прошипел Володька.

Ненависть жаркой волной ударила ему в голсу.

— Дашь? Ну, говори, дашь?! — шагнул он к Нельке. Та отскочила в сторону.

— Закричу, ей-ей, закричу, — пообещала она, опас-

ливо пятясь.—«Ментов» вои везде сколько. На каждом углу машина — вмиг сцапают. Иди-ка лучше от меня подобру-поздорову.

Володька невольно оглянулся назад. Ему послышался шум автомобиля.

Нелька, заметив его колебания, разом нашлась.

— Мам-м-мочки! — полетел над притихшими домами истошный, на невыносимой ноте, крик. — Мам-мочки! Режут! Убивают! Спасите-помогите! Мам-м-мочки!

Голоса во весь объем могучих легких, официантка шустро припустила по улице. Володька сунулся было за ней, но мигом остановился: посвечивая мигалкой, из-за угла, прямо навстречу истерическому Нелькиному крику, выворачивал милицейский «газик».

Нелька со всех ног кинулась к нему.

— Мам-м-м-мочки!

Сагин метнулся в темноту.

23

В час между волком и собакой Володька проснулся. Словно бы кто-то, стоящий настороже внутри сагинского позвоночника, толкнул его под ребра:

— Пора!

А и сон был, какой там сон; слезы, а не сон.

... Судорожные провалы в мозгу, вспышки дикого страха, бесконечный и мучительный бег от беспощадных преследователей, пульсирующие короткие искры слов, словно бы выкрикнутых на предсмертном выдохе:

— Не дамся!..

Володька утер ослабевшей рукой холодную испарину, густо выпавшую на лбу, и настороженно огляделся.

Серые тени окружающих его контуров и предметов мира проступали с каждой минутой все резче и ясней. Словно на проявляемой фотографии из полутьмы появлялись густые ветви низкорослого можжевельника, обступившего со всех сторон Володькино лежбище. Далеко за ними заколыхалась, постепенно приобретая зримые очертания, темная полоса воды. Легкий парок плыл от нее к серому, осветляющемуся небу. В просветы высоких камышей Володька различил длинную песчаную косу, на которую он выбрался из реки этой

ночью. Таяла легкая ночная прохлада. Песок под Володькой почти остыл.

Страшное внутреннее напряжение, не покидавшее Сагина последние сутки, словно несколько поутихло. Он вяло отмахнулся от назойливого комара.

— Вот так бы и от всех,—невольно подумалось ему.

Володька поднял глаза к небу.

— Жарынь сегодня будет — от и до. Через пару часов не продохнешь.

Чувство нестерпимого одиночества, оторванности от жизни охватило Сагина. Он провел ладонью по подбородку. Двухдневная щетина затрещала под пальцами.

«С такой рожей куда сунешься?—тоскливо подумал Володька.—Сейчас видно, что беглый. Да и куда бежать, кто меня где ждет? Одни «опера» и караулят, как на свет белый выползу».

— Ой, Люська, Люська,—судорожно всхлипнул он,—что ж ты, дура, со мной содеяла? Не для тебя ли всю жизнь старался? А ты что? Руки, ноги оторвала.

... Коротким проблеском мучительного воспоминания (словно кончики Володькиных пальцев вдруг на секунду снова коснулись люськиной кожи). мелькнуло перед ним во влажной духоте спальни белое люськино тело, с налитыми, вздымающимися ядрами тугих грудей, обильные округлости раздавшихся бедер, невыносимые линии полусогнутых ног, зовущая полуулыбка кроваво-красных губ и раскинутые на стороны в сумасшедшем порыве, словно бы пытающиеся обнять всех мужчин земли горячие руки...

Володька застонал.

— Ой, женушка моя! Я ли тебя не ласкал, не холил? Я ли тебя с головы до пяток не облизывал? За что же ты меня так? Мало тебе оказалось того, что есть? Всего мало? И дома мало, и машины мало, и сберкнижки мало, и мебели, и барахла — последнее забрала. Жизнь ведь свою прятывал я, а не пять «кусков», жизнь, Люська, жизни! А ты ее на моих же слепых глазах утащила. Что ж мне теперь делать остается, Люська, мертвому-то? Ну скажи же мне, ну отве-е-еть.

Володька упал лицом в остывший песок и со стоном

поехал головой вперед, словно пытаюсь прободать лбом насмешшуюся над ним землю.

— Отдай клад!— зарычал он.— Отда-а-ай!..

Плечи его обмякли и замерли. Потекло время.

Внезапно Сагин оторвал от земли чугунную голову. В плавающей серой тишине его невыразимого одиночества произошло какое-то непонятное изменение. Володька еще сам не успел понять, что его насторожило, но уж дыбом встали почуявшие неведомую опасность рыжие густые волосы на его загривке, мощная, короткая шея ушла в плечи, а маленькие глазки быстро забегали по сторонам, ощупывая окрестности.

Издалека, по-над водой, шел тихий, невнятный звук. В следующее мгновение Володька узнал его.

— Движок моторки. И вроде не один.

Еще через минуту он увидел на воде, примерно в километре выше острова, несколько черных движущихся пятнышек.

— Что такое? Зачем?

Сагин кинулся вперед, раздвинул ветки.

— Одна, две, три, четыре... Мой глиссер!

Тут он все понял. Рука его дрогнула; ветка вырвалась из ватных пальцев и размашисто закачалась перед Володькиным лицом.

— Значит, не просто продала, а со всеми потрохами!

Одна только жена могла указать загонщикам, где он скрывается. Одна только Люська знала, что смертный побегушный его маршрут непременно выйдет сюда, на Волчий остров, к литровой стеклянной банке из-под огурцов, с глупой, картонной коробочкой, словно в насмешку притаенной внутри хитроумного хранилища.

И вот теперь наведенные ее безошибочной наколкой на Володькин след «оперушники» заводили крылья смертной облавы на потаенную Сагинскую отлежку. Сама смерть глянула на него своими жестяными глазами из середины далекой еще милицейской артели.

— Не хочу!— замотал головой Володька. — Не дамся!

Он метнулся было назад, но тут же остановился.

— Стой, куда?!

В трех сотнях шагов позади Сагина Волчий остров закруглялся тупым, широким клином песка. За обреза-

клина, в пяти метрах от косы, шла уже саженная глубина. Здесь и начиналась знаменитая Киярская яма, протянувшая свои десятиметровые толщи воды на добрых три километра вниз по реке.

Справа остров огибало основное русло Акдарьи — стометровой ширины вода, с ленивым, почти невидным течением. По ней и шли сейчас милицейские моторки.

Слева остров был отделен от материка узкой протокой с быстрой, шумной водой. Прямо за протокой начинались бескрайние хлопковые поля.

Можно было перемахнуть протоку за считанные минуты, но место на той стороне было голым, как плешь: хлопок поднялся только на ладонь от земли и соваться в протоку было дело дохлое.

Знали службу проклятые «опера», чуяли, куда он может кинуться, спасаясь,— только в туган правого берега Акдарьи.

Теперь лодки находились в каких-нибудь двухстах метрах от острова и шли ходко, напористо. Еще минута, другая, и они поравняются со вчерашней Володькиной косой.

Главное русло Сагин одолел бы за две минуты. Правая сторона представляла собой сплошной тугай, протянувшийся вдоль реки на километры.

— Вынырнул, казалось, из островных кустов, махнул в воду, резанул что есть сил поперек реки, и ты уж там, на другом спасительном берегу, и те же камыши, что на острове, и те же переплетения можжевельника, колючек и кривых карагачей,— ищи ветра в поле!

Но нет, облава шла по самой середине основного русла реки; даже если и нырнуть от самого берега, то все равно сотню метров под водой не одолеешь, а высунешься взять воздуха, и вот он ты, как арбуз на подносе, отовсюду и всем виден.

Володька снова заметался на месте.

— Назад? На концевую косу? Там слияние протоки и главной воды, начало Киярской ямы, ширина чуть ли не километр,— куда денешься? Не успеешь отмахать и половины, как погоня будет рядом. Подъезжай, бери голыми руками. Эх, черт! Да куда же?!

Пока он метался без толку на своем лысом, песчаном пятачке, протекли решающие минуты, в которые,

казалось, еще можно было отыскать спасительное решение.

Первая моторка ткнулась острым носом в верхнюю оконечность Волчьего острова. Вторая вошла в протоку, еще одна — в основное русло. Бывший Володькин глиссер птицей пролетел по Акдарье и резко сбавив ход, причалил к нижней оконечности острова.

Володька, до хруста вытянув шею, следил за облавой с высокого песчаного бугра.

Из глиссера на косу выпрыгнули двое милиционеров, еще один остался сидеть за рулем. Спереди донесся шум. Володька испуганно обернулся.

К верху острова причалили еще две лодки. Из них, поблескивая оружием, вылезли люди. Через минуту на косе, куда приткнулась первая лодка, стояло десяток мужчин в форме. Рядом с одним из них (Володька невольно облизал разом пересохшие губы) черным, угрожающим пятном маячила крупная овчарка. Во рту у Сагны стало горько.

— Кобелем травить будут, — мелькнуло в его голове. — Что зайца. Худо дело. От него не убежишь.

Володька стал медленно подаваться назад. Через минуту он опять стоял на своей секретной полянке. Преследователей было видно и отсюда.

Один из стоящих на косе милиционеров поднес к губам микрофон переносного громкоговорителя.

— Слушай нас, Сагин, — загрохотало из раструба, отдаваясь ударами грома в Володькином мозгу. — Мы точно знаем, что ты здесь, на Волчьем острове. Весь остров окружен, и на воде наши лодки. Деваться тебе некуда. Не валяй дурака, выходи сам. Оформим как явку с повинной. Это единственная твоя возможность спасти жизнь. Не выйдешь, прочедем остров с собакой. Тут спрятаться негде.

Микрофон замолчал. Молчал и Володька. Он явственно видел, как возбужденная собака яростно рвет короткий поводок. Проводник, как видно, только и ждал команды отцепить карабичник ошейника.

Володька до резн в глазах всматривался в облаву, стоящую как бы в некоторой нерешительности.

— Чего же они все-таки ждут? Чего тянут? Ведь у всех в руках автоматы — зачем им уговаривать сдать безоружного Сагину? Приходи и бери!

Вот снова загрохотали звуки.

— Вздумаешь сопротивляться или там стрельнуть в кого, так знай — тебе же хуже будет. Церемониться не станем, у нас приказ: при попытке вооруженного сопротивления убить на месте! Так что лучше не дури, выходи сам.

Володька сглотнул вязкую слюну.

— Так воиа оно в чем дело. Боятся, что ушнбу ко-го из оперов. Не любят, видно. Привыкли сами всех убивать. А чего вдруг насчет стрельбы? Стрельнуть-то как раз нечем.

— А-а-а! — сообразил Сагнн. — Это онн пасутся за ту «тозовку», что я утопил. Не знают, что винтовка в реке, и что патронов к ней все равно не было. Трусят, чтоб палить не начал. Ну это, конечно, кому охота под дуриую пулю лезть? А то бы враз кинулись. Вои оно что!

Ему словно забрезжила неясная надежда на спасение. И не то чтобы на спасение, а просто подумалось, что, может, найдется какой-то пока неведомый Володьке ход, который ведь должен же быть, существовать где-то внутри его беспощадной судьбы. Ведь нельзя же было обстоятельствам довести его до полного краха, до слепого безысходного отчаяния, за которым уже все, конец, провал, смерть!

— До иочи бы как-то протянуть, до иочн, — взмолился Володька. — Там уже пусть хоть с тыщей собак гоняют — ночь не выдаст, за ночь я далеко отсюда буду. Эх, надо было сразу когти рвануть. Черт с ними, с деньгами — жизнь дороже любых денег!

Облава еще постояла, переговариваясь. Потом, явно нехотя, начала растягиваться в цепь. Микрофон опять взвыл на весь остров:

— Сагнн, выходи к нам, в последний раз говорю! Спасай свою жизнь! Другой у тебя не будет!

Володьку забила мелкая дрожь.

На косе послышалась резкая команда. Заблестело оружие, и цепь милиционеров двинулась вперед.

Первый же ее шаг словно сорвал со спускового крючка пружину взведенного Володькиного молчания. Он не успел сам сообразить, что делает, как хриплый его голос прорезал напряженную тишину.

— Стойте, гады! Постреляю всех!

Дальнейшее произошло в мгновение ока. Цепь резко остановилась, словно наткнувшись на невидимое препятствие. Часть загонщиков пригнулась к земле и выбросила вперед автоматные стволы. Маленький, худощавый милиционер, проводник овчарки, быстро наклонился к собаке и отстегнул карабин. Последовала зловещая команда:

— Фас! — и крупный, серый зверь огромными прыжками устремился в глубь зарослей.

Володька невольно подался назад.

— Бежать! — мелькнула испуганная, внерассудочная мысль.

Страшным усилием воли Сагин принудил себя остаться на месте. Любому дураку было ясно, чем закончится состязание в беге с тренированным на поимку людей кобелем.

Володька быстро скинул с плеч измятый полотняный кителишко с осведовскими погончиками и обмотал им левую руку. Часто и прерывисто вздымалась тельняшка на его груди.

— Не дамся! — пульсировала в виске напряженная мысль.

Володька окинул взглядом пространство перед собой. Маленькая песчаная полянка, место его разрушенной мечты, теперь стала ареной игры, ставкой в которой была Володькина жизнь.

— Черт! — Сагин метнулся к краю полянки и подхватил брошенную им саперную лопатку.

Когда Володька разогнулся, овчарка уже была в пяти метрах от него. При виде Сагина, серая, с черными подпалинами шерсть разом вздыбилась на кобеле. Красные от ярости глаза, казалось, разорвали Володьку в клочья. Зловеще хрипя, пес кинулся на Сагина.

Володька, пригнувшись и выставив вперед защищенную кителем руку, рванулся навстречу овчарке. Прыжки их слились в одно неразличимое, молиниеносное дыхание. Тела человека и зверя столкнулись. Острые, желтые клыки собаки сомкнулись на Володькином предплечье.

Несколько секунд шла отчаянная борьба в воздухе. Потом человек и собака упали на прохладный песок.

Клыки овчарки пробили Володькину руку насквозь. Злобно рыча, разъяренный пес бешено дергал головой, стремясь вырвать кус Володькиного мяса. Сагин отчаянно пытался оплести овчарку ногами и прижать ее к песку. Несколько секунд они катились по земле. Собачьи когти в кровь изодрали Володькино лицо и превратили в лохмотья тельняшку на его груди. Жизнь Сагина спасло только то, что пес никак не хотел выпустить его из огнедышащей пасти Володькину руку.

Минуту борьба продолжалась безуспешно, но, наконец человек пересилил животное. С натужным стоном Володька подмял кобеля под себя, просунул поперек мускулистого, хрипящего горла круглую ручку лопаты и резко хекнув, навалился на нее всем телом.

Под буковой, точеной палкой сухо хрустнули и сломались шейные позвонки. Клыки пса, мертво зажавшие Володькину руку, внезапно ослабли. Не веря, Сагин еще раз с силой налег на лопатку. Несколько секунд под ним, в конвульсиях умирания, билось горячее, мускулистое тело.

Наконец, с трудом вырвав руку из нежелавших разжиматься стальных челюстей, Володька поднялся с песка. Он тяжело дышал. Резкими толчками билась вена на виске. Окровавленное лицо покрывали глубокие царапины и ссадины; тельняшка торчала клочьями.

— Значится, так. Значится, кобелем травить,— бессмысленно и жалко повторял Сагин в пространство.— У-у-у, «ментовские» гады! Значится, кобелем...

Впереди, за кустами, слышно зашуршал песок. Володька кинулся к просвету в ветвях. Цепь загонщиков приближалась к его убежищу. В десяти шагах от Сагина продирался сквозь густые, колючие заросли здоровенный милицейский сержант, с озабоченным, угрюмым лицом. В руке его ходуном ходил казавшийся небольшим укороченный десантный автомат.

Володька болезненно охнул и побежал назад, ничего не видя перед собой. В руке его забыто трепыхалась саперная лопатка.

— Не да-а-мся!— безголосо звенел внутри сагинского спазматического горла нескончаемый звонкий крик.

Он вылетел на нижнюю оконечность Волчьего острова, когда сидевший в глассере старшина, скучая ожиданием неуловимого преступника, начал доставать сигарету. Сигарета никак не хотела вылезать из плотной пачки. Двое вооруженных пистолетами милиционеров, сидевших рядом на алюминиевом борту и лениво переговаривающихся, никак не ожидали, что матерый, травленный зверь среди бела дня выскочит в одиночку прямо на них. В первую секунду все оцепенели.

Вид у Володьки, избитого колючими кустами, изодранного когтями, ошалевшего от погоны, окровавленного, с забытой в руке ржавой лопатой, был страшен. Он на мгновение остановился, глядя безумными глазами; лопатки ходили ходуном на широкой спине; дыхание хрипло вырывалось из могучей груди; лопата вилась в руке, как пьяная; потом с криком боли и отчаяния Сагин бросился на милиционеров, вздымая над головой свое единственное, жалкое оружие.

Онемевшие от неожиданности и испуга, загоишники разом попадали внутрь катера. Мотор завелся с пол оборота. Катер, пропахав левой скулой песок, рывком прыгнул в воду.

Сидевший на штурвале старшина вжался в руль; второй милиционер, с отчаянным лицом, рвал застежку пустой кобуры, не осознавая, что оружие зажато в его руке; третий, не в силах унять прыгающего сердца, жадно хватал воздух задыхающимся ртом.

Володька с разбега кинулся в воду. Ни одной мысли не было сейчас в его обезумевшей голове, и только непрерывное мускульное усилие поддерживало угасающее бегание сагинской жизни.

Опомнившиеся милиционеры вернулись в реальность. Глассер, описав по реке широкий круг, направился в Володькину сторону. Сагин успел отмахать вниз по течению всего каких-нибудь два десятка метров, как преследователи очутились рядом.

Сумасшедший взгляд Володьки ухватил приподнятое над поверхностью воды широкое, плоское дно катера, со стекающими по алюминию струйками, напряженное и обрадованное лицо милиционера, указывающего на него пистолетом, надрывной рев форсированного двигателя. В голове Сагина мелькнула страшная в

своей фантастической обыденности мысль:

— Изрубят винтом! Как я того, вчерашнего!..

Он резко повернулся и нырнул. Глаза его были широко открыты.

В чуть мутноватой, желто-зеленой воде колыхалось огромное солнце, пронизывая тяжелую, ленивую толщу яркими, искрящимися потоками света. Прямо под Володькиными ногами круто уходил вниз темный провал дна. Здесь начиналась Киярская, излазанная Володькой вдоль и поперек, глубоченная яма.

Разрезая воду, прямо на Сагина резво шел киль катера, с бешено вращающимся бурунчиком винта. За винтом тянулись сверкающие россыпи мелких серебряных пузырьков.

Володька пригнул голову и изо всех сил заработал ногами и руками, стремясь уйти как можно глубже. Там, внизу, в буром колеблющемся полумраке терялось черное, илистое дно ямы.

Полтора десятка крупных, с темно-зелеными спинами сазанов, слитых в целое, плотной стайкой заскользили впереди Сагина, направляясь в глубину, и Володька, с внезапно вспыхнувшей в сердце сумасшедшей радостью, рванулся следом за ними.

— Туда, туда, на волю!..

Он вдруг ощутил себя одной из этих свободных, сильных рыб, плавно скользящих в ласковый серо-зеленый полумрак. Туловище его обрело сазаньи очертания, разбитая голова вытянулась и заострилась, ноги превратились в широкий рыбий хвост, неуклюже разгребая воду изуродованная рука с тянущимся за ней мутным дымком крови стала грудным плавником.

Жадно вдыхая в себя родную акдарьинскую воду, он заторопился, гребя плавниками, вслед за веселой сазаньей стайей, и длинный солнечный след потянулся за ним, как последнее «прости» его прошлой, человеческой жизни.

— Не да-а-амм... — угасающей искоркой бытия отозвался поверхности воды умирающий Володькин мозг.

... Туда, туда, к черному, илистому дну, где чуть

колышет тихая вода львиные гривы коряг; где вдоволь и покоя, и тишины, и пищи; туда, где неторопливо плывут его новые подводные сотоварищи, и где навстречу теплему движению могучего речного потока бьют из потаенных копилок земли холодные, донные родники...

ПАМЯТЬ

Рассказ

Старый городской парк был заложен в победном, счастливым и радостном, 1945 году.

В последнее воскресенье того неповторимого мая сотни людей вышли с лопатами на большой пустырь, раскинувшийся в центре городка. Пустырь процветал здесь со времен доисторических. Дребезжащая полуторка (все механизированные транспортные средства коммунального хозяйства) привезла в два захода полторы тысячи саженцев. Пыхтя и задыхаясь в собственных чадных выхлопах, она остановилась у веселой толпы людей. На третью ходку ей бы уж явно не хватило моторесурса.

Городской голова (израненный фронтовой офицер, осевший в городке в сорок третьем), счастливо улыбаясь во весь свой щербатый рот, сам разметил центральную аллею и место для памятника. Люди разбились на бригады, разошлись по участкам, веселый стук лопат заглушил на время звонкие женские голоса.

Работа спорилась. Давно она не была в такую охотку, отдых и радость. Это был первый — по мечте, по сердцу — мирный труд, и к полудню ровные ряды саженцев укрыли большую часть пустыря. Широкий арык был прокопан от центрального городского оросителя до главной аллеи. А это означало, что деревца, с уверенностью, будут жить! Что они не оскудеют силой под беспощадными лучами азиатского солнца, что новая жизнь, чуть теплящаяся сейчас в их тоненьких стволиках, прекрасно расцветет когда-нибудь для детей и внуков людей, стоявших у истоков этой жизни.

В сорок седьмом, когда молоденькие чинары и тополя уже задористо шелестели буйными, веселыми кронами, а карагачи и акации тронулись в долгий, медленный путь роста, послевоенное лихолетье и крутой излом судьбы забросили в городок немолодого леинградского архитектора. Душа его, уставшая под грузом несчастий, как видно, крепко стосковалась по красоте, и он спроектировал решетку парка и вход в него, заставляющие вспомнить величавую простоту Фельтена.

Бывший фронтовик, а ныне predisполкома, долго

смотрел на пылающий акварельными радугами эскиз, разложенный перед ним, потом покачал головой и тихо сказал:

— Да, брат... Эка ты размахнулся! Как бы нам с тобой рога не обломали за этакие-то дела...

Но глаза его уже заблестели лихим азартным огнем, покалеченная рука сжалась в тугой, тяжелый кулак, и сразу стало видно, что недаром у себя, в полковой разведке, этот худошавый тамбовский парень, как будто весь собранный из пружин,— ох, как недаром!— носил он грозное прозвище: «Украсть фрица».

И с тем же веселым и яростным блеском глаз, с каким он когда-то полз через «ничейку» за зазевавшимся немцем, председатель рванул грудью сквозь надолбы чиновничьих запрещений и колючую проволоку инструкций.

На ноябрьские, в сорок восьмом, парк обежала литая по архитекторскому проекту чугунная решетка, арки парадного входа гибко выгнули свои лебединые шеи, а тяжелый бетонный монолит у ворот словно бы просел под тяжестью вставшего на него величия.

В пятьдесят втором в парке появился бассейн, в пятьдесят третьем — танцевальная площадка. По обе стороны главной аллеи встали ряды цементных постаментов с бюстами известных стране людей.

Вечерами духовая музыка плыла над притихшим городком, и чинные семейные пары с детьми прогуливались по аллеям. Встречаясь, главы семейств приподнимали новенькие шляпы и вежливо раскланивались:

— Как ваше здоровье, Василий Кириллович?

— Спасибо... А ваше, Ахром Муратович?

А рядом печально и тонко жалобилась труба и, важно попыхивая, утешал ее добродушный бас:

— Пах-пах, пах-пах...

А труба подымалась все выше и выше и вела все пронзительней и безнадежней. И все трогательней становились ее щемящие душу плачи, но уж на подмогу вступали альты и баритоны и говорили с ней на том чудном, небесном языке, что понятен любому живому сердцу без слов...

Ах, духовые оркестры моего детства! Где ж вы теперь?

Самодельные, неуклюжие попитры; ноты, перепи-

санные от руки на серой, шершавой бумаге; выстроганные ножом палочки капельмейстера; помятые, облупившиеся инструменты, глухой барабан и самозабвенное служение музыке нескольких разношерстно и бедно одетых людей — рабочих местного цементного заводика.

Если пройти до конца центральной аллеи парка и повернуть налево, то перед глазами встанет огромный старый тополь, размахнувшийся ввысь и вширь на десятки метров. Коричневая рубчатая кора его на высоте трех человеческих ростов переходит в гладкую темно-зеленую; еще выше — бледнеет, а там, совсем наверху, на недостижимой глазу высоте, отсвечивает мягким, пепельным серебром. Кривые, разлапистые, в обхват туловища сучья налиты стальной мускулатурой. Крупный вырезной лист, сверху черно-зеленый, снизу опалово-серый, туго пружинит под пальцами.

Круглые белые облака, пролетая над арыком, уважительно здороваются с соседом, и тополь (ровня перед ровней) слегка кивает им в ответ лохматой головой.

Я прозевал то время, когда мой тополь был еще веселым, худым мальчишкой-переростком. Ежедневно проходя мимо, я думал о своем и не обращал на тополь никакого внимания.

Но пришел день...

Незаметно, в один год, из нескладного гадкого утенка вырос прекрасный белый лебедь. Обычное чудо природы свершилось буквально на глазах, и сердце не могло на него не откликнуться.

Жизнь!.. В тяжелые свои минуты я заходил в старый парк, садился на кособокую скамейку, одним концом прибитую к тополю, и прислонялся щекой к его живому, теплему боку. Я помню еще нежную шелковистость его зеленоватой молодой кожи и ее бархатную упругость. Это потом она загрубела и ошершавилась; это потом пересекли ее во всех направлениях глубокие, темные трещины и густо покрыли шрамы многочисленных ранений и нарывов.

Было время... Угрюмый и расстроенный, сидел я в тени тополя и потерянно повторял про себя:

— Как жить дальше? Как жить? И надо ли жить?!

И сильное молодое существо непреклонно и гордо отвечало мне:

— Живи! Живи и борись за жизнь!

Серебристые лсты трепетали, крепко и упрямо рвались в небо веселые ветви, и не было для тополя иной дороги, кроме той, на которую он звал и меня.

— Надо жить! Да, надо жить!..

Теперь тополь слегка сгорбился и покривился, как, наверно, сгорбился и покривился и я сам. Уже не так цепко держат землю в своих объятиях его могучие корни. И как первый звонок вечности, напоминаем и символом торчит среди его еще буйно зеленой листвы одинокая сухая ветка с обломанным мертвым концом—предвестница будущего угасания.

Родина!.. Что-то уйдет из моей жизни вместе со старым деревом.

Да! Голубые лезвия бетонных лотков прорежут бока старых глинистых арыков. Ласковое асфальтовое благолепие зальет кривые тропинки, протоптанные когда-то как бог на душу послал. Прямые, как штыки, стержни цементных бордюров ограничат прихотливые плески дорожек. Каждый ухоженный кустик опоясается точеным асбестовым кольцом, с отмосткой из синих глазурованных плиток. Приедет умная и сильная машина и легко выдернет из земли сухое старое дерево.

Смышленные ребяташки в красных галстуках, празднуя воскресник, посадят на освободившееся место аккуратное молодое деревце с мудреным научным названием. И новый круг жизни начнет отсчитывать на циферблате вечности беспощадное время.

Все так... Но все же что-то уйдет из моей жизни. И незачем и не к кому будет приходить туда, где когда-то шелестел веселой листвой мой тополь. И красивый бетонный лоток, может быть, не покажется мне таким уж красивым. И нога, помнящая тепло обнаженной живой земли, едва ли захочет ощутить бо-сой подошвой горячий асфальт.

Все будет лучшим! Все будет и красивей, и умней, и талантливей, и может быть, нужней людям. Но будет ли оно таким же моим, как старый тополь, и глинистый арык, и самодельная скамейка в старом парке?..

Им, идущим за нами,—им и новый комфорт, и малопонятная мне функциональность, и разумные, высокотехнологические решения, и ясный рационализм. Но будет ли, но вызреет ли в глубине их, таких ученых,

таких всезнающих голов то живое, что мы, понемногу уходя, уносим с собой?!

Родина!.. Это ведь и теплота живого дерева, и плеск журчащей в арыках воды, и свежесть раннего утра — все те милые воспоминания первой юности, остающиеся в душе навсегда.

Скудеет сердце среди жестких геометрий бетонов. Уходят от нас деревья нашего детства.

Но пока еще сами мы живы, пусть не реквиемом, но любовью к Отчизне вечно звучит память о прошлом в нашем незабывающем сердце...

СОДЕРЖАНИЕ

ВОЛОДЬКА-ОСВОД. Повесть.	5
ПАМЯТЬ. Рассказ.	102

Шорохов, Леонид.

Ш 79 Володька-Освод: [Повесть].— Т. «Еш гвардия», 1987.—112 с.

На берегу Акдарьи живет и процветает «хозяин жизни» — браконьер и уголовник Володька Сагин по кличке «Освод». Володьке-Осводу противостоит инспектор рыбнадзора Иван Никитин, для которого ценность жизни определяется критериями закона и совести.

Автор повести Леонид Шорохов родился в 1946 году. Он инженер, работает в Бекабаде. Участник семинара молодых прозаиков при Союзе писателей Узбекистана. Рассказы и стихи Л. Шорохова публиковались в альманахе «Молодость», в республиканской периодической печати.

P2

Шорохов Леонид Анатольевич

ВОЛОДЬКА-ОСВОД

Повесть и рассказ

Рецензент — **Е. Березиков**, член Союза писателей СССР.

ИБ № 2444

Редактор **И. Баранова**
Художник **А. Михайлов**
Худ. редактор **Н. Абдуллаев**
Техн. редактор **В. Демченко**
Корректор **З. Коломиец**

Сдано в набор 23.06.87. Подписано в печать 5.11.87.
Р-03684. Бумага № 2. Формат 84×108¹/₃₂. Гарнитура
«Литературная». Печать высокая. Уч.-изд. л. 5,71. Усл.
печ. л. 5,88. Договор 57—87. Заказ № 1411. Ти-
раж 15 000. Цена 35 к.

Издательство ЦК ЛКСМ Узбекистана «Ёш гвардия».
700113. Ташкент, Чиланзар, квартал 8, ул. газеты
«Правда», 60.

Ордена Трудового Красного Знамени типография
издательства ЦК КП Узбекистана. Ташкент, ГСП,
ул. Ленина, 41.

**В 1987 ГОДУ В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ
ЦК ЛКСМ УЗБЕКИСТАНА «ЕШ ГВАРДИЯ»
ВЫШЛИ В СВЕТ СЛЕДУЮЩИЕ КНИГИ
НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ:**

Абдулла Шер.
«Алый шиповник».
Стихи.

Жюль Верн.
«Пятнадцатилетний капитан».
Роман.

«Дорогами сказок».
Сказки народов СССР.

«Встреча».
Стихи молодых поэтов Узбекистана.

Абдухаким Фазылов.
«Судьбы вертящееся колесо».
Фантастические повести.

**В 1988 ГОДУ В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ
ЦК ЛКСМ УЗБЕКИСТАНА «ЕШ ГВАРДИЯ»
ВЫЙДУТ В СВЕТ СЛЕДУЮЩИЕ КНИГИ
НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ:**

Владимир Соколов.
«Остров для большой охоты».
Повесть.

Константин Аксенов.
«Порывистый ветер».
Стихи.

Константин Волков.
«Время больших протуберанцев».
Повесть.

Алексей Устименко.
«Когда стреляют на перевале».
Рассказы.

Михаил Чарный.
«Узбекистан, песня моя».
Стихи.

